

ПРОТОКОЛ

Заседания Координационного клуба

Вольного экономического общества России (ВЭО России)

Двадцать шестая экспертная онлайн-сессия на тему:

«Постпандемическая экономика: как не допустить рецессии?»

04 мая 2020 г.

Время открытия заседания: 14:00

Время закрытия заседания: 17:00

Онлайн-сессия Координационного клуба ВЭО России на тему: «Постпандемическая экономика: как не допустить рецессии?» состоялась в режиме видеоконференции. Прямая трансляция мероприятия велась на видеоканале ВЭО России в YouTube.

Присутствовали: члены Координационного клуба ВЭО России, ведущие учёные и эксперты, представители делового сообщества и общественных институтов.

Всего участников экспертной сессии: 160 человек, включая 16 спикеров.

Модератор заседания:

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор.

В дискуссии приняли участие:

Клепач Андрей Николаевич, член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка.

Дынкин Александр Александрович, вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН.

Широв Александр Александрович, член Правления ВЭО России, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН.

Некпелов Александр Дмитриевич, вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени Ломоносова, академик РАН.

Мурычев Александр Васильевич, член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д.э.н., к.ист.н.

Порфирьев Борис Николаевич, член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН.

Гришин Виктор Иванович, вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор.

Гринберг Руслан Семенович, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

Сорокин Дмитрий Евгеньевич, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

Титов Борис Юрьевич, член Правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Аганбегян Абел Гезевич, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН.

Петриков Александр Васильевич, член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова, академик РАН.

Бессонов Владимир Аркадьевич, заведующий лабораторией «Исследование проблем инфляции и экономического роста» НИУ ВШЭ.

Зубец Алексей Николаевич, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета при правительстве РФ, д.э.н.

Пороховский Анатолий Александрович, заведующий кафедрой политической экономии Экономического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова, д.э.н., профессор.

Ершов Михаил Владимирович, член Президиума ВЭО России, главный директор «Института энергетики и финансов», д.э.н., профессор.

Ключевые вопросы дискуссии:

Президент России 28 апреля 2020 года поручил готовить новый пакет мер поддержки, а главное — национальный план развития экономики.

В частности, Владимир Путин поручил Правительству РФ совместно с регионами и бизнесом начать подготовку на перспективу масштабного общенационального плана действий по нормализации деловой жизни, по восстановлению занятости, доходов граждан и роста экономики.

«Обращаю внимание, стратегическая задача такого общенационального плана действий — не только стабилизировать ситуацию, но и обеспечить долгосрочные, структурные изменения в российской экономике с учётом той новой реальности, которая сейчас складывается в мире», – подчеркнул Президент России В.В. Путин.

Что это будет за новая реальность? Какие вызовы и возможности она принесет? Каково экспертное видение текущей ситуации и перспектив восстановления российской экономики, какие дополнения в принятые и реализуемые пакеты мер поддержки необходимо внести?

Есть ли вероятность, что экономика России может избежать рецессии или минимизировать ее глубину? Как выйти из кризиса с наименьшими потерями, сохранить достойный уровень жизни населения, устранить возможную социальную турбулентность?

Выступили:

Бодрунов Сергей Дмитриевич,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать Вас от лица Вольного экономического общества России и от себя лично на 26-ой экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России на тему: «Постпандемическая экономика: как не допустить рецессии?».

В связи с тем, что сохраняется сложная эпидемиологическая ситуация, мы проводим экспертную сессию в формате ZOOM-конференции. Это наша первая онлайн-сессия, поэтому заранее прошу прощения за возможные технические накладки. Надеюсь, технологии не подведут.

Сегодня у нас насыщенная программа. Запланированы выступления 16 экспертов. В качестве участников к конференции подключились 142 человека. Напоминаю, трансляция экспертной сессии сейчас осуществляется в режиме реального времени на сайте ВЭО России.

Уважаемые коллеги, регламент выступления – 7-10 минут. Большая просьба к спикерам, соблюдать его, поскольку выступающих много. В Каминном зале «Дома экономиста» у нас песочные часы являются регулятором регламента, сегодня – напоминание о том, что регламент выступления подходит к завершению, будет выводиться на экран.

В этом году и российская, и мировая экономика столкнулись с «беспрецедентно широким ассортиментом» шоков – сложная эпидемиологическая ситуация, вынужденные жесткие карантинные меры, режим самоизоляции, высокие перегрузки системы здравоохранения, падение цен на нефть, снижение экспортного спроса и многое другое.

Российская промышленность, как образно выразились наши коллеги из Института экономической политики имени Гайдара, «в полной мере почувствовала холодное дыхание вирусного кризиса».

К сожалению, уже сейчас есть понимание, что российская экономика оказалась на пороге рецессии. (Формально техническая рецессия фиксируется, когда ВВП два квартала подряд показывает отрицательную динамику).

ЦБ в официальном прогнозе снижения российской экономики на фоне пандемии оценил падение ВВП в 2020 году на 4-6 процентов. Наибольший вклад в него внесёт обвал экспорта. (Оценка делалась при средней цене нефти Urals 27\$ за баррель).

Международный валютный фонд (МВФ) считает, что в 2020 году глобальная экономика испытает самую глубокую рецессию со времен Великой депрессии 1929–1933 годов, спад мирового ВВП составит 3%. По прогнозу МВФ, рецессия в 2020 году будет зафиксирована в 157 странах из 194. ВВП России сократится на 5,5% в 2020 году. Экономика США упадет на 5,9%, еврозоны — на 7,5%, а рост в Китае замедлится до 1,2%.

Большинство прогнозов экономистов по России сосредоточено в диапазоне 3–5% падения экономики. Хотя следует отметить, что оценки масштабов кризиса в России разнятся. Эксперты РАНХиГС уверены, что речь идет о 7%, а то и 12%. Алексей Кудрин допустил снижение темпов роста экономики на 6-8% по итогам года. Коллеги из Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) дают прогноз, что даже несмотря на масштабную программу антикризисных мер, российскую экономику «все равно с высокой вероятностью ожидает двухлетняя рецессия».

Коллеги из Внешэкономбанка дают наиболее оптимистичные оценки, пусть Андрей Николаевич меня поправит, если что-то изменилось с момента выхода прогноза. По версии ВЭБ по итогам года сокращение ВВП составит 3,8%.

Не буду перечислять все пакеты мер поддержки граждан и экономики, которые сейчас реализуются как на федеральном, так и на региональном уровнях. Правительство РФ сообщило, что стоимость принятых кабмином мер уже составила 2,1 трлн рублей.

Ранее глава Минфина РФ Антон Силуанов заявлял, что объем бюджетных мер для борьбы с коронавирусом и его последствиями в России составляет около 2,8% ВВП.

Как Вы знаете, Президент России 28 апреля поручил готовить новый пакет мер поддержки, а главное — национальный план развития экономики.

В частности, Владимир Путин попросил Правительство совместно с регионами и бизнесом начать подготовку на перспективу масштабного общенационального плана действий по нормализации деловой жизни, по восстановлению занятости, доходов граждан и роста экономики.

«Обращаю внимание, стратегическая задача такого общенационального плана действий — не только стабилизировать ситуацию, но и обеспечить долгосрочные, структурные изменения в российской экономике с учётом той новой реальности, которая сейчас складывается в мире», – подчеркнул Президент.

Что это будет за новая реальность? Какие вызовы и возможности она нам принесет? Я попрошу наших экспертов озвучить их видение текущей ситуации и перспектив восстановления российской экономики, высказаться относительно необходимости дополнения пакетов мер поддержки, возможно, коррекции бюджетного правила.

Есть ли вероятность, что экономика России может избежать рецессии или минимизировать ее глубину? Как выйти из кризиса с наименьшими потерями, сохранить достойный уровень жизни населения, устранить возможную социальную турбулентность? Эти вопросы сегодня выносим на повестку нашей дискуссии.

Полагаю, что итоговые материалы этой экспертной сессии могут внести свой вклад в подготовку нового пакета антикризисных мер поддержки граждан и бизнеса в условиях пандемии.

**Клепач Андрей Николаевич,
член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист)
Внешэкономбанка**

Мне кажется, что сейчас самое главное даже не в точных цифрах. Наша нынешняя оценка – падения ВВП 5,3 %. Трудно сказать, какой объем мер войдет в дополнительный третий пакет мер Правительства, потому что, как я понимаю, Правительство обсуждает дополнения к уже принятым первому и второму пакету. Надеюсь, что он все-таки скажется на экономическом росте, и масштабы спада могут быть меньше. Они могут быть и больше, если меры не окажут серьезного эффекта и ограничатся с учетом лагов теми пока достаточно скромными финансовыми решениями, которые были приняты. Тем не менее, возможность уменьшить масштабы спада есть. Здесь более важный вопрос – не насколько упадет ВВП в этом году, а когда восстановится экономический рост и насколько мы сможем подняться в следующем году. Будет ли V-образный отскок (а я думаю, что для этого есть все предпосылки, хотя за один год будет трудно компенсировать провал этого года, но рост около 4 % вполне реален); или это будет так называемая L-образная кривая, когда экономика будет выходить очень медленно из спада. Это зависит не только от того, на

сколько мы упадем сейчас во втором квартале, но и от того как долго продлится эпидемия, потому что оптимистичный прогноз (а мы опираемся на него) – пик эпидемии будет пройден в ключевых регионах, в столичных в первую очередь, где основное количество заболевших, в мае 2020 года, хотя в ряде регионов оно может продлиться дольше, и уже с конца мая, в июне начнется ослабление карантинного режима, который существенно влияет на экономику. Выход из карантина прорабатывается Правительством и здесь вопрос – с какой скоростью и как мы из него будем выходить.

Здесь есть несколько сюжетов, с которыми, я думаю, почти все согласны, независимо от того, как их количественно оценить.

Первое: что выход из карантина будет носить длительный характер и будет связан с дополнительными издержками бизнеса. Весь вопрос – какими. Понятно, что будут ограничения, видимо, и на посещение тех же культурных и торговых центров. Это зависит от плотности людей, а значит это дополнительные издержки бизнеса. По-видимому, должны быть введены ограничения и для плотности поездок в транспорте, в том же авиасообщении, в железнодорожном сообщении, а, соответственно, это дополнительные издержки для авиаперевозчиков, которые и так находятся в крайне тяжелом состоянии. При этом ряд секторов, видимо, будут восстанавливаться даже при оптимистичном сценарии не только в этом году, но и в следующем, и трудно сказать, в какой мере восстановятся объемы тех же авиаперевозок; возможно, они не достигнут предкризисного пика, потому что, действительно, будут сохраняться ограничения, плюс определенная часть контактов перейдет в дистанционный режим, и уже не вынужденный, а, скорее, добровольный. Возможно, произойдет определенная переоценка и спроса на автомобили, на другие блага, поскольку все-таки доходы будут восстанавливаться не так быстро, как и экономика в целом может восстанавливаться не очень быстро, но это уже более консервативные сценарии.

Надо исходить из того, что у нас не только коронавирус, а у нас двойной удар – это коронавирус, пандемия как с точки зрения внутренних ограничений внутри страны, так и сжатия мировых рынков; это и падение нефтяных цен, которое началось до коронавируса, а он придал этой ситуации совсем драматический характер. Но если с коронавирусом, я надеюсь, мы все-таки разберемся в относительно ограниченное время, чтобы ни говорили о вторых волнах, то с дисбалансом на нефтяном рынке будет справиться намного сложнее. По-видимому, дисбаланс нефтяного рынка продлится несколько лет, потому что быстро восстановить в условиях сжатия мирового спроса равновесие на нефтяном рынке вряд ли удастся. В данной ситуации не исключены дополнительные ограничительные меры производства. Стоит сказать, что низкий уровень нефтяных цен, хотя цена, я думаю, вырастет к концу года, и по-любому будет 30 с лишним или на следующий год около 40 долларов за баррель. Но это не столь высокие цены, на которые мы раньше ориентировались. Причем это означает, что это пониженные цены и на газ, и на многие другие сырьевые товары, поскольку они все взаимосвязаны.

Поэтому нас ждут действительно непростые годы, но в то же время это и окно возможностей не только с точки зрения принимаемых Правительством мер развития, но и надо понимать, что кризис заставит переосмыслить какие отрасли, какие сектора являются перспективными. Повысится роль здравоохранения и не просто здравоохранение и количество коек, в том числе и тех же инфекционных, а действительно должна быть создана новая развитая медицинская индустрия с развитыми технологиями, потому что 80 % субстанций, которые мы получаем для наших лекарств идут из Китая и Индии, причем Индия тоже в значительной мере зависит от субстанций, получаемых из Китая. Поэтому

вопрос устойчивости медицины – это вопрос и национальной безопасности. Значительная часть комплектующих для тех же ИВЛ мы тоже получаем из Китая. Поэтому здесь нужны очень серьезные дополнительные усилия, хотя и фармацевтика, и производство медицинского оборудования растет, а не падает, несмотря на общий промышленный спад. По сути дела, формируются новые подходы к лечению болезней, связанных не с антибиотиками, а с бактериофагами, микробиологическим направлением. И как бы сейчас ни акцентировалось внимание на цифровых технологиях, что крайне важно, нам нужно серьезно продумать, какие шаги необходимо предпринять для создания новой медицины, в том числе микробиологии, где позиции Советского Союза были достаточно сильными. И тогда эти новые технологии могут стать драйверами и для нашего внутреннего развития, и для мирового. Здесь очень важно опять не оказаться позади, не проспять ту волну, которую мы в какой-то мере и в 90-е годы, и в 80-е XX века упустили в микроэлектронике, web-технологиях.

В заключении выступления отмечу.

Первое: те меры, которые сейчас уже одобрены и приняты Правительством, носят достаточно ограниченный характер, то есть они не затрагивают крупный бизнес, и большая часть стоимости согласованного пакета – это отсрочка социальных, страховых и налоговых платежей, то есть даже не освобождение от налогов. Поэтому здесь действительно по опыту других стран, да и по нашему опыту преодоления кризиса восьмого, девятого года, нужны серьезные меры как в части поддержки доходов населения, так и секторальные меры для крупного бизнеса. Но об этом сейчас можно говорить только в предварительном плане, так как новый пакет мер только формируется Правительством.

Второе: прозвучавшее предложение Президента о том, что нужен план. Это соответствует идее о том, что должна быть определенная линия стратегического развития. Мы это обсуждали и на площадках Вольного экономического общества России, и на других площадках до кризиса. Был достаточно развернутый доклад Абел Гезевича Аганбегяна. Но надо понять, как нам на выходе из кризиса действительно подойти по-новому к решению тех стратегических задач, которые мы не могли решить раньше, какие мы извлечем уроки, и в этом плане какой будет облик экономики. Не просто как выполнить, допустим, указы Президента, точнее Указ Президента 2018 года, а как действительно изменить в целом траекторию развития экономики, чтобы найти и определенный социальный баланс и создать экономику инновационного, высокотехнологического типа. Нельзя пренебрегать и интересами нефтегазового комплекса, потому что он, как показывает нынешняя ситуация, тоже находится под ударом, и нужен серьезный пакет мер в том числе и для его поддержки. Понятно, что это другие меры, чем для авиаперевозок, для авиастроения, автомобилестроения и малого и среднего бизнеса, но нужно подумать и о тех мерах, которые поддерживают добычу углеводородов. Поэтому мне кажется, что это требует вообще отдельного серьезного разговора, такая, условно говоря, новая повестка России и мы должны не просто ответить на вопрос как дойти до 2024 года, а как нам создать новую Россию и это требует отдельного обсуждения.

Дынкин Александр Александрович,

вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН

Уважаемый Сергей Дмитриевич, уважаемые коллеги! Я думаю, что соревнование в оценках спада, на мой взгляд, бессмысленно, потому что надо работать на то, чтобы она была минимальной, на то, чтобы выход из рецессии был максимально быстрым.

Я считаю, что в России это уж четвертый экономический кризис, не считая тяжелого трансформационного шока начала 90-х годов, поэтому и у государства, и у бизнеса, и у домашних хозяйств есть определенный весьма драматический опыт проживания этих кризисных событий.

Триггеры сегодняшнего кризиса – внешние факторы, это пандемия, и в этом существенное отличие. Сегодня мы без оценки эпидемиологической динамики не можем говорить о протяженности этого кризиса. Неизвестно остается, будет ли вторая волна и какой сильной она будет. Вы знаете, что во Франции карантинные меры продлены до конца июля. Что будет у нас? Сегодня мы видим несколько дней подряд весьма высокий уровень заражений больше, больше 10 000 человек.

Но у меня есть некий опыт работы кризисного управления в кризисном Правительстве в 98–99-м годах. Какие советы, исходя из этого опыта? Во-первых, выключается автопилот на всех уровнях – в Правительстве, в бизнесе, в малом бизнесе, и включается ручное управление. Антикризисные шаги складываются из четырех событий: первое – это оценка и мониторинг ситуации, второе – это некий стратегический план и приоритетность этого плана, самая сложная часть – это реализация этого плана, то есть это какие-то регламенты, процедуры, инструменты, и, наконец, всегда необходимо оставлять место для импровизации. В этом урок такого антикризисного управления. Еще важно выбрать курс и его держать, несмотря на всяческие советы, на комментарии в прессе и так далее.

Что я вижу сегодня? Судя по всему, у нас выбрана стратегия игры в «долгую», и я с этим согласен. В Соединенных Штатах предпринята попытка выйти из кризиса одним мощным финансовым ударом – так называемый «Big Bang Approach». Почему это так? По двум причинам. Потому что количество жертв в Соединенных Штатах сегодня зашкаливает, количество погибших от этого вируса уже превышает потери американцев во вьетнамской, афганской и иракской войнах вместе взятых. Для американцев это исключительно чувствительный удар. И второе обстоятельство – это, конечно, то, что 3 ноября будут президентские выборы, и, естественно, это обостряет и форматирует эти антикризисные меры.

Когда наступает кризис, включаются не конвенциональные методы денежно-кредитной и фискальной политики. Что такое не конвенциональные методы? Это прежде всего процентная ставка, это количественное смягчение и так называемые вертолетные деньги. И, естественно, фискальная политика, это политика поддержки.

У нас в последнее время есть много всяких экзотических предложений, в частности вертолетные деньги. Я не считаю, что это для нас сегодня самая актуальная мера. Почему? Потому что даже в Соединенных Штатах, в очень богатой стране эти средства направляются для домашних хозяйств доходом меньше 75 % в месяц на домашнее хозяйство, например на 80 миллионов человек. Эффективность этих мер с точки зрения поддержки спроса, на мой взгляд, не всегда убедительна. Если говорить о нашей ситуации, если будет протяженность кризиса, то, видимо, к этому придется прибегнуть, но, опять же, я считаю, что эти меры должны быть направлены на наиболее уязвимые слои, необходимо

будет исключить, видимо, из получателей этих так называемых вертолетных денег людей, которые работают в бюджетном секторе и занятых в крупных госкорпорациях.

Что еще хотелось сказать? На мой взгляд, важно строить финансовые мосты в будущее, то есть не торопиться использовать все ресурсы, как мы часто это делали в предыдущем кризисе в 2008-2009 гг. , и достаточно успешно, с моей точки зрения, несмотря на очень высокие расходы, но тогда был чисто финансовый кризис. Сегодня ситуация другая. Критически важно сохранять устойчивость банковской системы, необходимо не разрушать конкурентный климат, который у нас и так очень низкий, поэтому мне кажется, что в отдельных сегментах и секторах экономики не должно быть сверхбольших предпочтений, кроме каких-то критических секторов.

Если говорить о том мире, который мы увидим после кризиса, то его контуры уже сегодня просматриваются. Финансовый рынок оценил падение стоимости компаний из таких секторов как нефтедобыча, автомобилестроение, авиаперевозки и так далее, и при этом относительно стабильная рыночная цена в компаниях Facebook, Amazon, Microsoft, Google и Apple. Это говорит о том, что тренд посткризисного восстановления будет во многом связан с нематериальным производством и нематериальным потреблением. Андрей Клепач говорил об услугах здравоохранения. Очевидно, что этот сектор получит преимущество, в то время как другие сектора будут по-разному выходить на этот тренд, на мой взгляд, очевидно.

Вторая вещь, которую я хочу сказать – это так называемая концепция ответственного развития. Она связана с тем, что в рамках этой концепции опять же происходит упор на нематериальное производство и потребление, на неограниченные ресурсы, прежде всего ресурсы интеллектуальные, творческие, альтернативные ресурсы, на нематериальную мотивацию жизнедеятельности. Такие может быть, избыточно академические суждения, но, на мой взгляд, тренд в эту сторону просматривается, и кризис, в который мы вступаем, и структурная трансформация на выходе из этого кризиса будет ориентирована в этом направлении. Я хочу сказать, что по сравнению с другими крупными экономиками Россия более менее прилично готова к этому кризису с точки зрения минимального государственного долга, это меньше 15 % с точки зрения сбалансированного бюджета, Фонда национального благосостояния и золотовалютного резерва и так далее. И мы, конечно, отстаем по динамике эпидемии, но большинство стран вошло в рецессию в первом квартале, а у нас в первом квартале был рост 1,8 ВВП, а если смотреть на такие опережающие индикаторы, как, скажем, железнодорожный транспорт и потребление электроэнергии, то третья неделя апреля, а это уже разворот кризиса, у нас падение составило по сравнению с третьей неделей апреля 2019 года следующее: по железной дороге было падение 4,5 %, по потреблению электроэнергии - 2,2 %. То есть стартовые позиции, стартовые условия у нас лучше, и я думаю, что нам целесообразно продолжить эту игру в «долгую», сохранить эти преимущества и думать о тех структурных изменениях, которые мы хотели бы увидеть на выходе. Потому что, с моей точки зрения, главный критерий умелого антикризисного управления заключается в том, чтобы получить на выходе из кризиса более эффективную, более конкурентоспособную экономику, чем экономику на входе в кризис.

Я могу сказать, что мы уже прошли через тяжелейшие условия 1998 года, я запомнил этот день на всю жизнь, это 10 декабря, когда цена на нефть Urals упала ниже 9 долларов за баррель. Тем не менее, за короткий период времени удалось развернуть экономику от - 5,4 ВВП до +6,3 %. То есть, конечно, никаких сопоставлений нет. Сегодня у нас гораздо более

масштабная, институционально более развитая экономика, но уметь использовать эту подсветку этого опыта, помнить о ней, на мой взгляд, было бы правильно.

**Широв Александр Александрович,
член Правления ВЭО России, заместитель директора Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН**

Добрый день, коллеги! После выступления Андрея Николаевича и Александра Александровича, конечно, тяжело будет говорить, но я на самом деле хотел бы как раз поговорить про то, что сейчас сказал Александр Александрович – это вопрос того, играем мы в «долгую» и как мы играем в «долгую».

Во-первых, нужно понять, что наше состояние перед этим кризисом было далеко на блестящим. Конечно, у нас есть такое расхожее мнение, что наша экономика «лежала на боку», а если мы лежим на боку, то и падать нам не так глубоко. И это проблема. Проблема состоит в том, что, безусловно, мы вошли в этот кризис с большим количеством резервов, и эти резервы позволяют нам относительно благоприятно чувствовать себя в течение 2021 и, по-видимому, даже 2022 года, я уж не говорю про 2020. Но вопрос в том, что когда кончится острая фаза этого кризиса и мы начнем из него выходить, то каковы будут наши ориентиры, прежде всего ориентиры в области экономической политики? На самом деле существует большой риск того, что эти ориентиры могут вернуться к тому, что было у нас на уровне 2017-2018 годов, то есть это политика макрофинансовой стабилизации. Да, мы потратим значительную часть наших резервов, ФНБ будет существенно меньше, и соблазн перейти к такой сберегающей политике будет достаточно высок, а это высокий риск для нашего экономического развития.

Я могу тут привести такой любопытный факт, про который мало кто говорит. Если наша экономика в этом году упадет меньше, чем экономика Германии, то по итогам 2020 года Россия станет пятой экономикой мира. Мы проводили разные расчеты при разных параметрах паритета покупательной способности. По-видимому, действительно, то, что я сказал, скорее всего, будет очень вероятным. Но этого еще надо достичь, надо добиться того, чтобы падение нашего ВВП было меньше, чем падение ВВП Германии, но если мы все-таки станем по итогам 2020 года пятой экономикой мира, то это что, будет такой мгновенный результат, который мы просто сразу отдадим? Хотелось бы, чтобы мы на самом деле что-то из этого извлекли, потому что, действительно, возможность структурной перестройки, про которую говорили Андрей Николаевич и Александр Александрович, очень важна. А для того чтобы получить этот эффект структурной перестройки, безусловно, нужно иметь некоторую политику, отличную от политики макрофинансовой стабилизации. И в то же время это должна быть политика, которая не очень похожа на то, как мы видели ее еще, допустим, год назад. И тут есть еще разные аспекты этого момента, но я хотел бы остановиться на такой среднесрочной перспективе.

Безусловно, после того как карантин пройдет и мы все равно получим по итогам второго, третьего квартала экономический спад, скорее всего четвертого тоже, то так или иначе возникнет история с реализацией отложенного спроса. Конечно, эту историю можно размазать по кварталам и получить, условно говоря, во втором и третьем квартале следующего года рост экономики на 3–4 % и по итогам года где-нибудь 2–3 % роста ВВП, может быть 4. Но на мой взгляд, это был бы крайне средний результат. При условии, что у нас есть возможности и резервы в некотором смысле подтолкнуть экономику на выходе из этого довольно тяжелого кризиса. Но я бы не сравнивал его с 1998 годом, потому что

принципиально разные истории. Сейчас мы остановили до трети экономики, остановили политическими решениями, и то, как мы запустим эту треть в обратную сторону, и будет определять, насколько эффективной будет наша экономика.

Кроме того, сейчас удачный момент для инвестиций в новые сектора экономики, там, где у нас есть технологические разрывы, там, где эти средства, которые мы можем потратить, будут более эффективны, чем простая раздача этих денег в виде вертолетных или каких-то еще. И очень важно на самом деле сказать, что, кривая выхода экономики из кризиса будет определяться параметрами внутреннего спроса, причем не только потребительского, потому что потребительский спрос надо будет поддерживать, безусловно, но и инвестиционного, и спроса со стороны в том числе государства.

Если посмотреть на то, как в 2008–2009-м году государство пыталось поддерживать экономическую активность, то там есть много полезного. Тот объем средств, который был тогда потрачен, а это примерно 2,7 триллиона рублей в рамках 2009–2010 года, с одной стороны, поддержали уровень доходов населения, а с другой стороны, поддержали те предприятия, которые производили важную продукцию (автомобильная техника, дорожная техника, инвестиционные товары). То есть тот опыт существует и он мог бы использоваться в данном случае.

Что касается оценок спада экономики в этом году – безусловно, он серьезный. Около 5 миллионов человек находится под угрозой потери рабочих мест. И, конечно, этих людей нужно поддерживать. Но с другой стороны, основной масштаб ресурсов должен тратиться где-то во второй половине года, даже ближе к концу этого года. И главное – это 2021 год. Если в 2021 году экономика покажет показатели на уровне 4–5 % роста ВВП, может быть даже больше, то тогда мы получим хорошие возможности для старта в будущем.

Некипелов Александр Дмитриевич,
вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени Ломоносова, академик РАН

Сегодня уже говорилось о шоках, есть достаточно много высказываний на этот счет и в мире, но, мне кажется, наряду с шоком со стороны предложения, который непосредственно связан со свертыванием производственной деятельности из-за ограничения общения людей и соответствующего требования соблюдать социальную дистанцию и так далее, есть еще и микроэкономический шок, связанный с резко изменившейся в текущем плане системой потребностей, выход на передний план необходимости борьбы с пандемией. Отсюда потребность максимально быстрых изменений и в распределении ресурсов в пользу медицины и так далее, и изменений относительных цен, связанных с этим. И плюс ко всему для отдельных стран и для России, большое значение имеет очень серьезный шок со стороны спроса, который в некотором смысле является оборотной стороной шока со стороны предложения для всего мира. Такая сложная конфигурация шоков приводит к тому, что возникает шок со стороны предложения, он, как это обычно бывает, создает предпосылки для развертывания stagflation, шок со стороны спроса еще более усиливается, падает безработица, давление в эту сторону, и понятно, что очень резко обостряется социальная проблематика.

Ситуация серьезно осложняется тем, что действовать приходится в условиях, когда многие функции рыночного механизма подавлены: административные ограничения, регулирование цен натуральных потоков отдельных видов продукции. Приходится всем, и нам в том числе, искать баланс между, с одной стороны, смягчением социальных проблем

и поддержанием экономической активности, решением социальных проблем и поддержанием экономической активности, с одной стороны, и финансовой стабильностью, а также баланс между распределением издержек этого кризиса между различными слоями населения, различными организациями, отраслями и так далее. Особый характер в связи с этим и перед промышленной политикой. Но с точки зрения социальных проблем и экономической активности, абстрактно-идеальная схема заключалась бы в том, что специалисты-вирусологи давали бы свои заключения по последствиям различных масштабов и форм организации производственной деятельности, а политики выбирали бы решения, оптимальные с социальной точки зрения. Но это общее теоретизирование. На практике, конечно, все так или иначе к этому стремятся. Но понятно, что задачи совершенно неподъемной размерности.

И неопределенность понятия «социальный оптимум» тоже играет здесь серьезную роль. Вообще это довольно драматическая вещь, потому что ведь распределение ресурсов в такой ситуации связано и с количеством смертей сегодня и смертей завтра и так далее. То есть приходится решать этот самый сложный комплекс вопросов, иногда даже, не отдавая себе в этом отчет, который связан и с проблемами так называемой цены человеческой жизни. Понятно, что решения такие типа «секонд бест» в этом случае совершенно неизбежны.

В промышленной политике возникают очень серьезные проблемы. Коллеги уже отчасти затрагивали. Я на две проблемы применительно к России хотел бы обратить внимание.

Первое: дискутируется вопрос о том, кто должен быть объектом помощи – малый или средний бизнес или крупные корпорации. Но, откровенно говоря, мне кажется, что учитывая гибкость малого и среднего бизнеса здесь, может быть, правильно было бы концентрировать помощь не на сохранение фирм как таковых, а на поддержку людей, которые там заняты, имея в виду, что этот сектор обладает, с одной стороны, и серьезной живучестью, и способностью возродиться, чего нельзя сказать о крупных корпорациях, и учитывая их роль для экономики страны.

Второй вопрос – связанный тоже с тем, о чем сегодня уже говорилось: как нам относиться к нефтяной отрасли в данном случае с учетом тех изменившихся условий ее функционирования. Я считаю, что у нас был крайне неудачный опыт периода мирового финансово-экономического кризиса, когда мы исходили из такой логики, что нефтяная промышленность – это богатые люди, богатые организации, они переживут, и можно попытаться возложить тяготы в значительной степени на них. И проявлялось это в том, что не снижались экспортные пошлины, а последствия оказались крайне тяжелыми – произошло резко свертывание инвестиций в этом секторе, и это ударило очень больно по экономике и этот опыт повторять нельзя.

Нужно иметь в виду, что доходы, которые получает государство от этого сектора, конечно, изымаются в форме налогов, но, по сути, это не налоги, а это факторные доходы, это рента. А у этого факторного дохода есть такая особенность, что собственник соответствующего фактора производства и является главным бенефициаром, когда цены растут, но он должен быть и главной страдающей стороной, когда цены падают. У нас же государство предпочитает быть бенефициаром, когда цены растут, но очень не любит снижения своих доходов. По тому кризису легко посчитать, что вместо тех 200 миллиардов долларов, которые мы в течение полугода из резервов израсходовали на поддержание финансовой системы, значительно дешевле было бы финансировать разницу за счет снижения соответствующих отчислений из отрасли, сложившегося в связи с изменением

цен, при этом мы сохранили бы межотраслевые связи, сохранили бы многие инвестиционные проекты.

Что касается финансовой ситуации, сейчас везде признают, что не конвенциональная политика, как об этом говорил Джеймс Гэлбрейт на международном семинаре, который мы проводим по вторникам по этой теме, он просто говорил о том, что финансировать нужно то, что нужно, а не то, на что есть деньги. Да, конечно, финансовая ситуация будет осложняться, будут накапливаться долги, будет ухудшаться финансовое положение государства, да, потом придет время расчета, как он выразился, но особой альтернативы нет. Но в данных условиях особенно нет оснований для демонизации инфляции хотя бы потому, что в конце концов иногда она действительно играет роль определенной смазки и способствует более справедливому распределению тягот кризиса. Но это не означает, что вопросом финансовой стабильности вообще не надо уделять никакого внимания.

Я думаю, очень важно действительно разработать ясную стратегию расходования средств Фонда национального благосостояния. В моем представлении, эта стратегия могла бы базироваться на государственном импорте медицинских препаратов, потребительских благ и критических важных видов оборудования и комплектующих для отечественного производства. Кстати говоря, насчет средств в валюте резерва тоже надо иметь в виду, что в зависимости от того, как будет разворачиваться общая ситуация в мире с обвалом, сами эти средства могут оказаться подверженными и обесценению. Наконец, конечно, используются эти меры в большей или меньшей степени: регулирование цен на жизненно важные товары, их поставки на рынок. И вообще очень серьезная вещь, в США очень активно ее используют – это оказание помощи нуждающимся в натуре. Не деньгами, а в натуре. И для этого, как мне кажется, есть совершенно ясные и понятные основания.

На мой взгляд необходимо вводить ограничения по капитальным статьям платежного баланса, прежде всего для того, чтобы противодействовать еще факторам, связанным с горячими деньгами. В начале необходимо вводить относительно мягкие меры, надо начинать с них, типа налога Тобина. И это позволит в том числе и быстрее сокращать процентную ставку, и, кроме того, блокировать потоки спекулятивного капитала и тем самым делать относительно более устойчивую ситуацию на валютном рынке.

По опыту американской великой депрессии (об этом тоже вспоминал Джеймс Гэлбрейт), мне кажется, нужно всерьез задуматься о том, чтобы создать привлекательные финансовые инструменты, позволяющие отсасывать определенную часть, по крайней мере, избыточной ликвидности. Ссылаясь на опыт США времен великой депрессии, Дж. Гэлбрейт утверждал как раз, что благодаря этому удалось избежать возникновения и серьезной инфляции, и дефицитов на рынке (несмотря на нестандартные для рыночной экономики меры, которые тогда принимались).

Поддержания банковской системы действительно необыкновенно важно. Если бы мы избегали попыток возложения на нее самой бремени низкого или беспроцентного кредитования. Я глубоко убежден, что это бремя должно нести государство. Да, конечно, это ухудшает его финансовую ситуацию, но у государства есть механизмы для финансирования дефицита бюджета, в том числе в такой ситуации, а вот ставить под угрозу платежную систему страны и создавать угрозу для кризиса в этой области – вот это, на мой взгляд, было бы крайне неразумно.

А что касается долгосрочной политики, то здесь, конечно, очень многое зависит от того, как мы оцениваем, что будет происходить в мире в целом. У меня такие представления, что несмотря на все благие пожелания, видимо, известного отката в

глобализационных процессах избежать не удастся, и не потому, что люди не хотят понимать преимущество взаимных связей, а просто потому, что кризис очень серьезно показал те риски, с которыми, к сожалению, действующая мировая система не в состоянии эффективно справляться. А если такой откат, если эта оценка верна, то тогда нужно, естественно, принимать это во внимание, с учетом этого нужно строить и свою промышленную политику, с учетом этого интенсифицировать в том числе и связи на постсоветском пространстве.

Мурычев Александр Васильевич,

член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д.э.н., к.ист.н.

Хотел бы действительно остановиться на проблемах, которые уже происходят в крупном бизнесе, но мне проще будет решить сегодняшнюю задачу и сослаться на документ, который мы на днях послали в Правительство в рамках формирования, так называемого третьего пакета мер по поддержке. Это уже меры, связанные с поддержкой предприятий для цели ускорения выхода из кризиса.

Самое важное, какие бы документы мы сейчас ни принимали, какие бы предложения ни формулировали, сроки завершения пандемии для нас совсем непонятны. Это говорит о том, что представление, когда наступит оживление экономической деятельности, и мы включим в активную фазу инструменты оживления экономики, пока непонятны. Но, тем не менее, хотелось бы согласиться с коллегами, действительно, было принято очень много мер, связанных, прежде всего с поддержкой тех отраслей, которые в большей степени пострадали от пандемии и в целом от кризиса. Это перевозки, воздушный транспорт, туризм, выставочная деятельность, гостиницы, общественное питание и так далее. Действительно, на эти цели выделены огромные деньги, затронуто более 5 миллионов человек, работающих в этих отраслях, а если говорить о количестве, это около 550 тысяч предприятий. Но сейчас настало время нам предметно говорить о том, что сейчас нужно вести речь о включении инструментов поддержки крупного бизнеса. Понятно, что он страдает в меньшей степени, но хотел бы сказать, что уже наблюдается некая тенденция ухудшения ситуации.

Когда мы говорим, что это крупный бизнес, прежде всего мы имеем ввиду системообразующие предприятия, которые, попали под соответствующее постановление Правительства. В данном документе предполагается оказание поддержки и помощи по различным инструментам, в том числе по субсидированию кредитов на модернизацию. Сейчас действительно настало время расширить круг субсидий, связанных именно с теми средствами, которые бы направлялись крупными предпринимателями, предприятиями, собственниками на модернизацию, техническое перевооружение производства в размере ключевой ставки. Такое предложение мы направили в третий пакет.

Мы также направили Правительству предложение, связанное с расширением программы льготных кредитов системообразующих предприятий. Часть из них уже начала реализовываться, но она, кстати, оказалась не очень востребованной самими предприятиями. Почему? Потому что программа расширения льготных кредитов для системообразующих предприятий на пополнение оборотных средств касалась, прежде всего, круга предприятий, которые попали в перечень этих системообразующих предприятий, но туда не попали по производственной цепочке те предприятия, которые

завязаны на этих головных организациях, и это очень сильно подкосило всю эту историю. Мы добавили и предложили Правительству расширить этот круг участников промышленных предприятий для того, чтобы они попали в программу льготного кредитования, имея в виду, что и оборотные средства, увеличение лимитов должно увеличиться, по нашему мнению, до 70 миллиардов, но не более 10 % от оборота компании. Поэтому эти программы должны коснуться, на наш взгляд, всех дочерних структур, которые завязаны с крупными системообразующими предприятиями.

Наверно, сейчас есть необходимость создать внутренний инвестиционный спрос, очень важный. Деньги в стране есть, и есть необходимость запустить бессрочные облигации госкомпаниями с предоставлением стопроцентных госгарантий. Это было бы создание фонда для того, чтобы можно было воспользоваться этими возможностями. Конечно, сейчас очень многое зависит от развития или поддержки лизинговой деятельности. Крупные банки имеют многочисленные лизинговые программы, и субсидированная ставка по лизингу должна быть отчетливо выраженная именно для целей запуска и покупки технологического оборудования.

Стимулирование спроса – коллеги уже сказали об этом несколько слов, но все-таки со своей стороны скажу, что, это ключевая тема, и она связана, действительно, как со стороны граждан, так и со стороны государства. Со стороны граждан, конечно же, сейчас нужно включать те программы, которые в 2008 году себя оправдали, прежде всего, связанные с поддержкой потребительского спроса. Это по аналогии программ: первый семейный автомобиль, утилизация автомобиля и все, что с этим связано, для физических лиц. Субсидирование банками этих кредитов минимум на два месяца.

Также, необходимо для стимулирования спроса ввести мораторий на налоговые выплаты для физлиц, включая НДФЛ, не превышающий 5 МРОТ в месяц. Со стороны государства, важно включение масштабных инвестиционных программ с максимальным мультипликативным эффектом, это прежде всего в области здравоохранения, общественного транспорта, инфраструктурные проекты, аварийное жилье и так далее.

Очень сложной темой является авансирование по госзаказу, и связано это с тем, что нет денег, в том числе для расчетов с контрагентами, которые имеют промышленные предприятия, не дополучаются средства от государства. Поэтому мы предлагаем перейти к 50 % авансированию госзаказов и перенести все конкурсы, которые были спланированы на III-IV квартал, на II квартал 2020 года. Это поможет аккумулировать значительные ресурсы, в том числе для пополнения оборотных средств для предприятий.

Поддержка занятости – это для нас, конечно, очень важно. Здесь мы считаем, что запуск программы целевых зарплатных кредитов с гарантией ВЭБа – это до 85 %. Данная проблема очень важная, ее нужно реализовывать, а вместе с ней, и каникулы по уплате страховых взносов для предприятий на период простоя.

Риски, которые сейчас ожидают коллеги. Конечно же, проблема неочевидно нарастает, и в финансовой сфере, несмотря на то, что сейчас общая стабильность, мы подчеркиваем всегда, но, тем не менее, риски ухудшения качества кредитного портфеля, общий объем кредитного портфеля составляет 42 триллиона рублей, треть из этого портфеля уже раскинута на пострадавшие сектора. Эти деньги нужно будет как-то возвращать. Объем кредитов, уже подлежащих реструктуризации, составит до 5 триллионов рублей, и госзаимствование, которое уже висит на балансе кредитных учреждений – это больше 12 триллионов рублей. Также те меры, с чего я начал: много денег уже брошено на антикризисные мероприятия поддержки малого и среднего предпринимательства. Кстати, я хотел бы сказать, что академик Некипелов говорил о том,

чтобы это не легло на плечи кредитных учреждений. Нет. Это все субсидируется государством, но, тем не менее, это ложится на плечи как основное тело кредитов на кредитные учреждения. Поэтому к осени, к I кварталу следующего года как у нас будет развиваться ситуация? Все эти огромные суммы, масса триллионов может лечь на плечи государства. Поэтому мы не должны допустить развития долгового кризиса. Это сейчас одна из ведущих тем, которые мы должны все помнить и знать.

**Порфирьев Борис Николаевич,
член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, академик РАН**

Хотел бы начать с того, что мы в этой рецессии уже пребываем, и в связи с постпандемической экономикой у нас две задачи:

- 1) выйти из этой острой фазы, в которой мы сейчас находимся;
- 2) не допустить дальнейшего углубления рецессии и её перехода в долгоиграющий кризис со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В связи с этим очевидно необходимы довольно большие затраты, о которых уже шла речь и которые уже осуществляются. При этом нужно подчеркнуть, и об этом уже тоже коллеги частично говорили, что, в общем-то, с одной стороны, конечно, все эти траты не могут быть совершены, очевидно, в течение одного года, это было бы, наверно, очень опасно для такого рода действительно долгоиграющей пластинки. С другой стороны, не менее опасно придерживать эти деньги и в том числе ограничиваться только и исключительно вопросами, связанными с налоговыми льготами, кредитными льготами, и так далее. Очевидно, нужна все-таки и прямая помощь. Здесь действительно высок риск того, что называется парадоксом бережливости, хорошо известным из экономической теории, когда частные сбережения, частные ограничения ведут к тому, что вся экономическая динамика валится достаточно активно.

Что касается вопроса, куда направлять эти деньги. Здесь были разные предложения и соображения. Мне кажется, очень важен правильный баланс между двумя принципиальными направлениями. С одной стороны, это активные траты, которые идут, с одной стороны, на поддержку и на развитие. Второй элемент, который тоже необходим – это вопрос резервирования. Дело в том, что, судя по всему, то, что происходит – это явно история не на один день и не на один год, поэтому, очевидно, экономика должна будет все больше ориентироваться на определенное резервирование. Это касается и финансов, и материально-технических резервов. Кстати сказать, сейчас наблюдаю то, что происходит у нас в плане реагирования на ту кризисную ситуацию, которая возникла. Возможно, просто не располагаю нужной информацией, но у меня нет представления о том, как задействовать, в частности, наш Росрезерв, а, вообще говоря, наверно, какие-то его возможности должны здесь использоваться. По крайней мере, эта задача на будущее совершенно точно должна стоять весьма серьезно, потому, что обеспечение устойчивости экономического роста даже после того, как мы выйдем из этой острой фазы, будет, несомненно, существенной задачей.

Вопрос так называемых активных трат, то есть выбора тех драйверов или тех секторов, которые нуждаются и в наибольшей поддержке с одной стороны и одновременно могут дать определенный мультипликативный межотраслевой эффект. Конечно, прежде всего, встает вопрос о тех тратах и том финансировании, в котором нуждается наша система здравоохранения. При этом любопытно: дело в том, что если мы посмотрим на оценки, которые давались системе здравоохранения незадолго до кризиса, в октябре 2019 года, есть

такой довольно известный глобальный индекс безопасности в сфере здравоохранения, его составляет специальный центр по вопросам безопасности в области здоровья. На первом месте там по всем параметрам стояла система здравоохранения США как наиболее приспособленная к подобного рода кризиса. Китайская система занимала там 50-е место, мы фигурируем там где-то в 60-ых позициях. Нынешняя ситуация показывает конечно совершенно другое. Говорит это о том, что, очевидно, сами метрики, сами такого рода комплексные, композитные индексы должны быть, безусловно, пересмотрены, потому что, довольно важные показатели, важные ориентиры, по которым должны развиваться все системы здравоохранения, включая нашу, чтобы действительно обеспечить наибольшую устойчивость и наибольшую эффективность действий в подобного рода ситуации.

Здесь, в первую очередь речь идёт об обеспечении массовой поддержки, которая ориентирована именно на такого рода эпидемические, пандемические эффекты, а не на поддержку тех, кто страдает очень тяжелыми заболеваниями, так называемые групповые риски, которые тоже охватывают довольно заметную долю населения, но, конечно, по своему охвату существенно отличаются от пандемии. Касается это всей системы здравоохранения, и очевидно, ее финансирование должно быть радикально пересмотрено. Должно быть кратное увеличение, с нынешних 4 ВВП, где-то до порядка 8-9, может быть даже и больший процент ВВП.

Здесь встает важный вопрос о соответствующей поддержке медицинской науки, которая, как мы видим, сейчас исключительно важна. В связи с этим это наводит на мысль о том, что сам национальный проект здравоохранения нуждается в некотором и реформировании и усилении поддержки. Если мы посмотрим вообще на всю систему национальных проектов, то, с одной стороны, не должно быть, конечно, ее какого-то полного отрицания, это было бы, с моей точки зрения, ошибочно, а вот поддержка, переакцентирование внимания на те национальные проекты, которые могут стать такими драйверами – это может быть очень правильным. В этом смысле обращает на себя внимание тот же проект, связанный с цифровой экономикой. Мы имеем на самом деле целый пакет, то, что выводит нас на экономику знаний, о которой писал Абел Гезевич. Мне кажется, сейчас возникает дополнительный импульс через национальные проекты, и с точки зрения структурной перестройки экономики, тот самый императив и та самая возможность, которая дает попытку двинуть именно этот сектор экономики вперед. Выходя из острой фазы этого кризиса и переходя уже к более устойчивому экономическому росту.

Гришин Виктор Иванович,

вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

На самом деле и пандемия, и то, что происходит в соответствии с ее процессами, оказывает серьезное влияние на экономику большинства стран. Не хотел бы повторяться, но в связи с тем, что многие уже что-то сказали, наверное, что-то и придется повторить.

В части этих процессов хотел бы сказать, что активизируются процессы возвращения в развитые страны производств, ранее перенесенных в страны с более низкими издержками производства. Это началось не сегодня. Если говорить об этих процессах начиная с десятого года, то доля экспорта уменьшилась с 2007 по 2017 с 28 до 22 % мирового экспорта. Сейчас, наверно, будет происходить более высокими темпами, потому

что мы видим, что произошло в Китае, на самом деле по производственным цепочкам оказало влияние на другие страны, в том числе на нашу страну. Думаю, что эти процессы действительно активизируются. Видимо, приведет к тому, что увеличатся цены на продукцию, потому что стоимость рабочей силы в высокоразвитых странах намного больше, и, наверно, уменьшится валовый рост продукции.

Мне кажется, сегодня не только у нас, но и во всех странах разоряются многие компании малого и среднего бизнеса, снижается платежеспособный спрос населения, реальные располагаемые доходы, уменьшается объем производственных, государственных инвестиций в связи с тем, что сокращаются бюджеты и корпораций, и государственный бюджет. Ухудшается состояние банковского сектора вследствие необходимости и предоставления кредитных каникул, и расширения программ по реструктуризации задолженностей. Не хочу говорить о падении мирового ВВП, о нем уже все сказано, и о падении западноевропейского оборота, и падении ВВП в Штатах, и общего ВВП. Хотел бы подчеркнуть, что в соответствии с тем, что у нас тоже валовый внутренний продукт, скорее всего, сократится, соответственно могут сократиться инвестиции в основной капитал на 5-8 %, снижение расходов населения, по нашим расчетам, составит где-то от 4 до 5 %. Наши расчеты показывают, что дефицит консолидированного бюджета при этом может достигать 3,5 % от валового внутреннего продукта страны. Предварительные оценки Международной организации труда указывают на рост глобальной безработицы, с учетом этого и наш Центр макроэкономического анализа также считает, что работу в России могут потерять 5 миллионов россиян; с учетом того, что у нас 3,5 миллиона уже сегодня есть, это более 8 миллионов человек.

Поэтому, положение, конечно, непростое. В этих условиях мы можем сделать, чтобы смягчить влияние данной ситуации, какие меры предпринять по преодолению спада экономики, улучшению жизни людей? Сейчас мы будем разрабатывать план, программу развития страны, разговор идет о том, как улучшить структуру экономики, как ее реформировать, но, мне кажется, нам все-таки сейчас в большей степени надо обращать внимание на конкретные меры. Если мы по-прежнему будем говорить о постоянной инфляции, постоянные макроэкономические биржевые индексы, будем постоянно думать, как, каким образом написать общие положения, то результата не будет. Мне кажется, нам нужны конкретные хорошо просчитанные проекты и меры. Примерно такие, и коллега Дынкин говорил о 98-м годе, и те меры, которые тогда были приняты, они действительно были максимально конкретными.

Если говорить об экономическом росте или действительно о снижении негативных факторов, то буду говорить, наверно, со стороны спроса. Вы помните, что на самом деле экономика начала снижаться не вчера, а в 30-ом году, когда нефть стоила за 100 долларов за баррель, мы уже ощутили снижение доходов населения, снижение и роста экономики.

Экономический спрос определяется и внутренним, и внешним спросом и инвестициями. Если говорить о внешнем спросе, экспорте, то в прошлом году этот спрос упал на 6 %. По основным статьям экспорта (нефть, газ, металлы, продукты нефтехимии) с учетом падения мировой экономики и прочих ранее перечисленных причин выручка может снизиться на 30-40 %. Мы прекрасно это видим, что, если мировой ВВП снизится на 5-6 % в случае негативного развития, мы действительно ощутим уменьшение спроса не только на нефть, но и на другие наши продукты. Если говорить о прямых иностранных инвестициях, то по результатам первого квартала у нас из страны ушло 17 миллиардов долларов, это 75 % всего прошлогоднего оттока капитал. 17 миллиардов долларов ушло по первому кварталу иностранных финансов. Прямых иностранных инвестиций в I квартале к нам пришло 200

миллионов долларов, это примерно в 50 раз меньше, чем в IV квартале прошлого года. Наши основные возможности по восстановлению экономики, прямо связаны с оживлением внутреннего рынка и с увеличением внутренних инвестиций. Об этом говорили практически все мои коллеги, что бы правильно были приняты меры по увеличению зарплаты бюджетникам в свое время, по ее начислению во время карантина.

Для увеличения потребительского спроса, по улучшению работы здравоохранения, науки и образования надо сегодня увеличивать финансирование этих отраслей. На Западе активно экспериментируют с минимальной заработной платой. В бедной стране Греции она равна 600 евро. К увеличению минимальной зарплаты до уровня 70 % от средней медианной, это примерно 18 000 рублей. При этом мы получаем следующие выгоды: увеличиваем отчисления в социальные фонды, укрепляем внутренний рынок, повышаем производительность труда, потому что зарплата напрямую входит в производительность.

Не думаю, что правильным шагом будет раздача единовременных пособий, как предлагает коллега Дынкин, так называемое вертолетное распределение денег. Во-первых, непонятно, кому и в каких размерах она будет выделяться. Если безработным, то не получат ли они большую помощь, чем минимальная зарплата, это будет явно несправедливо. На мой взгляд, лучше отдать эти деньги бизнесу, торговле, туризму, санаториям, на пассажирские перевозки, увязать это финансирование со снижением цен на продукты, товары первой необходимости и услуги. Для некоторых категорий населения предоставлять все это бесплатно. Разработать соответствующие нормативные документы, тогда, возможно, деньги не уйдут в накопление, а у нас, если с маленькой пенсией люди все-таки умудряются откладывать на черный день, естественно это не позволит бизнесу увеличить выпуск продукции, если мы просто отдадим деньги. Поэтому думаю, что здесь надо развивать госзаказ и соответствующие нормативные документы.

Что касается инвестиций, то в прошлом году их было 19 триллионов рублей. Более 50 % – это собственные средства компаний, 9 % – кредитный ресурс, 15-16 % – бюджет. Это около 3 триллионов рублей, я имею в виду из бюджета. По проведенным нами расчетам, они могут уменьшиться в текущем году на 3-4 триллиона рублей. Если мы действительно будем все-таки не стремиться к тому, чтобы увеличивать вложения в инвестиции, мы, наверное, через какое-то время уйдем в страны третьего мира. Недофинансирование инвестиций, естественно, приведет к этому.

Мы выделили сегодня на поддержку экономики и социальной сферы около 2 триллионов рублей, это 2 % ВВП. В США – 2 триллиона долларов, это 10 %. В Японии – 7-8 %. При этом, коллеги, мы имеем золотовалютные резервы. На 10 апреля 2020 года их было 565 миллиардов долларов, это приблизительно 45 триллионов рублей. Мы имеем с учетом расходов из Фонда национального благосостояния (ФНБ) сегодня еще 10 триллионов рублей. Имеем актив банковской системы 80 триллионов рублей, который в прошлом году получил прибыль 20 триллионов рублей, увеличив его в 2018 году в два раза. Поэтому мы имеем, на мой взгляд, достаточно серьезные резервы, которые копили на черный день. Он настал, и мы сегодня имеем возможность выйти из него успешнее, чем многие другие страны. Естественно, у нас не будет с учетом нефти уже такого положительного сальдо, которое было в предыдущие годы, но мы на самом деле можем сократить импорт, за исключением критических позиций, то есть машин, сырья, комплектующих, без которых экономика работать не сможет. Это порядка 150 миллиардов долларов.

Предполагаю, что если мы будем разумно расходовать эти средства, если действительно будем достаточно четко просчитывать все наши практические меры,

которые необходимо сделать и для крупной промышленности, и для мелкого, малого, среднего бизнеса, резервов достаточно. Конечно, мы понимаем, что золотовалютные резервы – это не все в нашей стране. Есть бумаги, государственные ценные, которые мы приобрели за рубежом, но, тем не менее, считаю, что минимальный резерв, который мы должны иметь, 150-200 миллиардов – этого будет достаточно для того, чтобы нам чувствовать себя уверенно. Поэтому мы могли бы профинансировать и больницы, и инфраструктуру. Финансисты кивают на отсутствие проектов, на разворовывание средств, но мы уже построили достаточно серьезные проекты, это и Сочи, и Крымский мост, и Чемпионат по футболу. Эти успехи возможны и сейчас, просто Правительству нужно брать на себя определенную долю ответственности, вести соответствующий контроль.

Гринберг Руслан Семенович,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

Дело в том, что Россия имеет большую специфику в этом кризисе, она получила двойной удар, и хотел бы обратить внимание на социальный момент, о котором сегодня мало говорили. Ведь, в конце концов, резкий удар и по спросу, и по предложению – в этом необычность кризиса, он привел к тому, что все сократили свои доходы, как правило. Богатые стали менее богатыми, а бедных стало намного больше, у некоторых даже произошел триумфальный марш из бедности в нищету. И в этом контексте можно сказать некоторые свои возражения о том, что эти так называемые вертолетные деньги не надо включать, что надо точно помогать самым нуждающимся. Должен сказать, что здесь эта точность ведет к тому, что никому не помогает под предлогом того, что будет несправедливо, то мы дали не тому. Абсолютно уверен, что мы находимся в такой ситуации, когда должен быть введен заявительный принцип выплаты пособий по безработице. Просто вы приходите и говорите, что вы без работы, и вам полагается выплата. В моем представлении это было бы два прожиточных минимума, и это каким-то образом все-таки помогло бы как-то ограничить социальное неблагополучие.

Теперь какие еще возможные последствия от того кризиса, в котором мы находимся? Некоторые здесь уже намекали на то, что конец гиперглобализации, надежность важнее прибыльности. Это правда. Может быть, должен быть всплеск импортозамещения. Какие-то шансы, как говорил академик Некипелов, имеет региональная интеграция, поскольку мы получаем возможность наладить эту интеграцию в рамках Евразийского Союза, который в значительной мере пока носит имитационный характер.

Моя самая главная мысль – это то, что у нас в стране, несмотря на то, что есть очень много разных начинаний, как индустриальная политика, стратегическое планирование, на самом деле ничего этого не происходит в реальности, и страна обречена на примитивную структуру экономики, и похоже, что шансов на то, чтобы каким-то образом диверсифицировать эту структуру, особенно диверсифицировать структуру экспорта, очень мало. В этой связи надо подумать о том, что каким-то образом преодолеть эту примитивизацию. Мне всегда казалось, и это часто говорил и писал, что инфраструктурные проекты, в том числе Транссиб-2, имеют какую-то альтернативу для того, чтобы диверсифицировать структуру экспорта. В противном случае мы опять будем ждать очередного нефтяного провала, и, скорее всего, таких высоких цен на нефть все равно уже не будет. Тем самым появляется дилемма: либо мы опять ждем, копим резервы в тучные

годы, которых уже не будет, либо мы должны включить валютные ограничения, для того, чтобы все-таки каким-то образом поддерживать валютный курс.

И последнее, то, что в социальном плане, похоже, везде в мире зреет идея безусловного базового дохода. Судя по всему, ей нет альтернативы и у нас. Этот базовый доход, не может быть как помощь малоимущим, он должен иметь конституционное право. Это право каждого! В таком случае те кризисы, к которым мы приговорены в результате сохранения примитивизации структуры экономики, будут каким-то образом смягчаться.

Предполагаю, что нам всем предстоят очень тяжелые времена, особенно малому и среднему бизнесу. Сегодня говорилось о том, что все нуждаются в поддержке – и малый, и средний, и большой, но тогда возникает проблема, откуда брать деньги. Считаю, что никаких проблем с деньгами нету и сейчас, и потом, поскольку деньги можно создавать, слава богу. И самый главный вечно зеленый аргумент руководителей нашего экономического блока Правительства, что будет инфляция – этот довод бессодержательный, потому что во время рецессии инфляции, как правило, не бывает или бывает очень мало. Если эта инфляция увеличится до 5-6 %, но дополнительные денежные массы сработают в качестве части спроса, то ничего плохого не случится.

**Сорокин Дмитрий Евгеньевич,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при
Правительстве РФ, член-корреспондент РАН**

У меня с самого начала нашего разговора сразу стало оптимистическое настроение. Почему? Потому что я вспомнил слова Абела Гезевича Аганбегяна, который постоянно говорил в связи с нынешними событиями о том, что мы находимся в очень сложном положении, в условиях стагнации. Выход из стагнации, как он абсолютно верно отмечал, гораздо тяжелее, чем из любого кризиса. И уж, коль скоро мы обозначили нашу тему про стагнацию, а у нас идет кризис, то сразу же появляется оптимизм, легче будет выходить. Вообще говоря, действительно, в том, что мы выйдем из этой ситуации, так или иначе, сомнений, нет, а вот только вопрос – куда мы выйдем, потому, что когда идет восстановление экономики, то восстановление какой экономики. Восстановление того, что было, той самой траектории стагнации, о которой говорил Абел Гезевич? Туда как-то не очень хочется, так как знаем, чем кончается – стагнация, застой.

И в этой связи я еще хотел бы отметить следующее: то, что мы говорим, что нам нужна структурная перестройка, а не просто выход, другая экономика, другая политика, об этом говорилось правильно. Но ведь все то, что мы говорим сейчас, если поднять наши стенограммы, мы говорили и после кризиса девятого года, и после кризиса 2015 года, но каждый раз все оставалось по-прежнему. Проблема в том, что мы говорим о смене экономической политики, механизмов реализации, а они оставались все те же, и об этом сейчас тоже говорилось. Тогда возникает вопрос, почему же прошлое так и не научило нас выходить, не позволило нам сделать то, о чем здесь сегодня говорилось.

Возможны два варианта, но, видимо, первый вариант такой более менее оптимистический – это то, что мы сами виноваты, наши аргументы недостаточны для тех субъектов, которые формируют экономическую политику. Неубедительно, видимо, мы как-то говорим. Это оптимистический вариант, значит, нам надо искать новые аргументы. В общем, перубеждать.

Второй вариант о том, что, может быть. Я как политэконом просто рассуждаю. Если такая устойчивая система экономической политики, которая нас не устраивает, сложилась,

то, может быть, она просто соответствует интересам экономическим тех, кто формирует эту политику.

Виктор Иванович тут упомянул о хорошем опыте правительства Примакова в тот период. Тогда возникает вопрос: если такой был хороший опыт, а это действительно хороший опыт преодоления того кризиса. Вопрос-то в том, а почему тогда так быстро этот хороший опыт был свергнут, и правительство ушло в отставку довольно быстро? Если это проблема экономических интересов, которая не позволяет сменить экономическую политику и выйти на другую траекторию, то, напомним, экономические интересы формируют сложившуюся экономическую систему. Прежде всего, ее сердцевину, теми отношениями собственности, которые сложились в этой системе. Если это так, то достаточно сложная проблема не выработки курса, и проблема смены экономических интересов, а, значит, смены, в том числе, и изменения той системы отношений собственности, которые сложились.

Я напомним радикальную экономическую реформу, 1989 год. Тогда, выступая в колонном зале, Леонид Иванович Абалкин, кстати, завтра ему исполняется 90 лет, он тогда сказал, что: «Мы радикально называем реформу потому, что она проникает в самую сердцевину экономических отношений в отношении собственности, не сменив которой, мы не изменив сложившуюся траекторию».

Титов Борис Юрьевич,
член Правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Могу сказать, что наш взгляд, конечно, со стороны предпринимателей, бизнеса, прежде всего. Он более узкий, но, может быть, более от земли, мы видим все проблемы изнутри на сегодняшний день. Могу сказать, что мы постоянно как институт уполномоченный ведем мониторинг ситуации, у нас есть и соцопросы, есть и экспертные мнения. В общем, стараемся по широкому кругу различных источников вести мониторинг.

Но вот то, что говорит соцопрос, что у нас уже 56,16% всех предприятий приостановили свою деятельность. То есть в сфере культурного искусства — 89,6%, бытовых услуг — 79,7%. То есть на сегодняшний день большая часть экономики, по крайней мере, нашего сектора, который мы охватываем, туда не входят нефтяные компании или не входят, допустим, авиационные крупные компании, но вот наш сектор настолько сегодня задет.

Причем, если мы говорим сегодня о кризисе предложения в результате таких волюнтаристских — имею в виду в хорошем смысле — действий сверху властей, то, конечно, мы, прежде всего, видим проблемой сегодняшнего дня, что это практически обвал спроса. То есть часть закрыта предприятий, но ситуация охватывает огромное количество предприятий даже не закрытых, потому что им некому продавать свою продукцию. Вот то, что по спросу мы видим — 63% компаний заявили, что у них спрос сократился на 50% и более, а 28,7%, то есть треть, что спрос на их продукцию и услуги снизился на 91% и более. То есть практически огромное количество предприятий сегодня, даже будучи открытыми, все равно стоят.

Кроме этого, конечно, как идет помощь? Эта помощь, мы видим, тоже идет достаточно неактивно, хотя правительство начало уже реагировать. Сначала вообще была неадекватная оценка того, что у нас происходит. Кстати, эта переоценка совпала с нашим ОПЕКом-2, неудачным, когда цены на нефть обрушились уже после второго соглашения,

вот тогда вдруг начала действительно меняться оценка сегодня экономической ситуации в стране и будущей экономической ситуации, начались какие-то действия. Сегодня основная помощь сосредоточена на предприятиях наиболее пострадавших, по ОКВЭД они определяются, причем, мы знаем эту проблему: основной и неосновной ОКВЭД. Многие писали, это вообще была формальная вещь, и работали, как хотели, на самом деле, и по закону они имеют права все равно работать, как хотят и по каким угодно отраслям. Но вот по ОКВЭД формально записали основной, а работали по неосновному. В результате сегодня распространяется только на 14 основных направлений ОКВЭД. На самом деле, выручка сократилась у предприятий более чем на 30%, по 99 ОКВЭД больше трети потеряли свои выручки. Поэтому, конечно, направление этой помощи, оно неадекватно. Сегодня намного больше предприятий пострадали от кризиса, чем узкая группа, которой помогают.

Кроме этого, на сегодняшний день мы зафиксировали, что только 3,9% от общего числа респондентов наших, а это больше 4000 предприятий, ответили, что они реально воспользовались помощью. Все остальные пока в работе или вообще отказались от этой помощи. Даже попытаться ее получить тоже отказались. По перечню, те, которые говорил, по ОКВЭД попадает 39,5% предприятий, из них уже 35,7% заявили, что условия предоставления поддержки не позволяют ее получить. 15,5% уже получили отказ от этой помощи.

Мне кажется совершенно бесперспективно сегодня прогнозировать, насколько у нас упадет ВВП, потому что мы не знаем входных условий, мы не знаем, насколько долго продлится карантин, насколько упадут еще или, сохраняя свое низкое значение, будут цены на нефть. Цены на нефть сильно давят на спрос, и поэтому, конечно, в такой ситуации мы находимся в зоне хаотической. То есть мы не можем сегодня прогнозировать практически ничего, поэтому те сегодня цифры, которые возникают, очень сильно разнятся между собой, это еще раз подтверждение, что вряд ли их можно просчитать.

Опыт прошлых кризисов в 2014-2015 году показал, что повышение ставки до 17% привело к тому, что практически ввело в кризисную зону значительно большее количество предприятий, чем могло бы быть. Начался пересмотр кредитных соглашений, не только не реструктуризация кредитов, а наоборот уже по старым кредитам уже начали повышать процентные ставки, уже выданным на тот момент кредитам.

В этот раз, так скажем, ЦБ ведет себя совершенно по-другому, и в этом смысле, думаю, опыт прошлых войн заставил все-таки сегодня их думать по-другому. Ставка не только не повышается, но и понижается. Как мы видим, результат как раз хорош и для бизнеса, о чем мы в прошлый раз еще говорили, но и для рубля.

Надо сегодня еще одну вещь сделать. Прекратить интервенции, потому что дальше держать рубль на том уровне, на котором они есть, мне кажется, в общем, неправильно. Потому что мы сокращаем экспортные возможности даже тех предприятий, которые сегодня могли бы экспортировать. Сегодня у нас большая, допустим, автомобильная отрасль, которая сегодня, не имея спрос на внутреннем рынке, могла бы держаться за счет экспорта. Тоже самое касается и сельскохозяйственных предприятий и достаточно большого количества других предприятий, которые сегодня при том, что мы уходим по себестоимости ниже, допустим, чем Китай, могли бы сегодня, эти предприятия, заработать.

Завершая, хотел бы сказать, что мы сегодня готовим нашу программу. Вы знаете, Институт экономики роста, который работает в нашей группе, мы недавно выпустили так называемую дорожную карту устойчивого роста несырьевого сектора экономики России. Но это было до кризиса.

В этой ситуации мы слышим о том, что будет какая-то новая инновационная высокотехнологичная экономика, сможем ли мы перейти в эту стадию или нет. Вы знаете, такие прыжки быстро не происходят. Кроме того, жить, не питаясь или не потребляя какие-то базовые продукты, мы пока не научились. Поэтому мне кажется, что, прежде всего, новой отраслью, которая будет тянуть наверх и вытягивать из этого кризиса, это будет как раз «простые вещи». Яков Моисеевич Миркин назвал это экономикой простых вещей. Это то, что будет держать нас на плаву, по крайней мере. Действительно несколько факторов об этом говорят, потому что: во-первых, у нас себестоимость падает, и мы уже конкурентны, условно, с Китаем. Второе — мы, конечно, сегодня видим новые системы дистрибуции. То есть у нас новые системы, которые позволяют производить меньшим производителям и доходить до своего конечного потребителя. Потому что это во многом ставило серьезные проблемы для малых и открывали возможности большие для крупных. Сейчас это, в связи с новыми системами дистрибуции дает возможность этим производствам доходить до своего потребителя. В-третьих, это действительно может высокотехнологичное производство, потому что сегодня огромное количество малых машин, 3D принтеров, которые позволяют этим заниматься.

Поэтому завершая вот этом направлении, хочу сказать, что, конечно, будет экономика малых, средних производств, но еще больше экономика будет экономикой самозанятых. Вот у них сегодня открывается серьезные возможности, мне кажется, именно производства. Не только дистрибуции. Продажи, это будет реально экономика малых производств, которые могут выдержать сегодня конкуренцию и создать новую базисную экономику России.

Если говорить о других направлениях, то мы, конечно, серьезно думаем о таком направлении, как деагломерация. Это сам коронавирус нам подсказывает, что нам нужно двигаться в этом направлении. С другой стороны, это хороший экономический стимул переработки леса. То есть вокруг городов малых и средних, не крупных, как Москва, о чем Алексей Кудрин говорит и все любители теории крупных агломераций. Мы считаем, что наоборот, города от 250 тысяч до полумиллиона жителей, вокруг них должны создаваться центры жизни. В основном, как мы называли, это двухэтажная Россия. Двухэтажные города — это будущее, которое создаст, с одной стороны, спрос, создаст нормальные условия для жизни людей. С другой стороны, это будет значительно менее безопасно с точки зрения будущих пандемий, которые наверняка будут нас преследовать уже долго.

Еще одна реформа, которые мы предлагаем — это столыпинская реформа 2.0. Потому что именно сельское хозяйство фермеров может создать, и будет новый спрос не это, вот эти малые сельскохозяйственные компании, они как бы идут за агломерацией, за этим трендом. Но нам кажется, что сегодня, выдав необходимые кредиты для освоения земли, прежде всего, свободные земли, второе — кредиты для их освоения. Наверное, будут уже не такие сельскохозяйственные рабочие, которые были тогда при Столыпине, но это будут во многом горожане, то есть средний класс. Сегодня эта тенденция наметилась уже до кризиса. Мне кажется, что после этого коронакризиса эта тенденция будет усиливаться. Людям надо зарабатывать для себя. Малые сельско-хозяйственные предприятия могут стать для них хорошим источником заработка, а для страны — обеспечения всем необходимым с точки зрения продовольствия. Поэтому мы уже занимаемся этими направлениями. Всех коллег приглашаем присоединяться.

заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН

Уважаемые коллеги, признаюсь, я первый раз присутствую на столь содержательном обсуждении. У меня нет сколько-нибудь значительных замечаний к тому, что все предыдущие выступающие сказали. И я с ними почти со всем согласен.

Первое, я хочу сказать о нашем социально-экономическом положении. Коронавирусная пандемия и нефтегазовый кризис наложились на стагнацию. За семь лет стагнации у нас сократились накопления в основной капитал, инвестиции в основной капитал, строительство. А это важнейший фактор развития. У нас сократился реальный доход граждан на 8%, розничный товарооборот на душу населения. Сократилось даже конечное потребление семей по спецсчетам. Сейчас в связи с этими двумя процессами – коронавирусом и нефтегазовой проблемой – все эти процессы усугубляются. Поэтому выходить из сложившегося положения на экономический рост достаточно трудно.

Прежде всего, коронавирус. Не нужно питать иллюзий. Мы находимся на трети пути. У нас пока идет довольно значительный рост, по 7% в день, числа заболевших. Каждый день увеличение на 7%. Сейчас заболело 135 тысяч, специалисты прогнозируют в будущем 400-450 тысяч в России. Мы можем выйти на второе место по числу заболевших. Одновременно у нас очень низкая смертность. Меньше 1%. И вряд ли она сильно вырастет. По разным причинам. Кроме того, у нас очень мало выздоравливающих. Всего 1400 в день. Был максимум 1800. Под наблюдением врачей сейчас находится 211 тысяч пациентов, включая тех, кого лечат дома. В день проводится свыше 200 диагнозов или тестов. А всего тестов проведено около 4 млн. Мы на втором месте после США по числу тестов и, наверное, их обгоним.

Нужно отдать должное правительству. Оно очень много сделало. Во-первых, в январе, за два месяца до того, как у нас появился коронавирус, организовали оперативный штаб. Вовремя введены разные меры. Конечно, можно упрекнуть за то, что недостаточно строго следят и т.д. Но 120 тысяч коек новых ввели. Создали 506 лабораторий, которые проводят тестирование. Мы испытываем 6 вакцин, которые уже испытали на обезьянах, на свиньях, на крысах, на мышках. И, по-видимому, все-таки к концу года сделаем вакцину. Потому что вирус будет считаться побежденным только тогда, когда мы справимся со второй волной вируса, сможем в корне его подавить, вакцинируя население.

Нефтегазовый кризис. Нужно учитывать, что сейчас все хранилища нефти заполнены, включая танкеры. Запасов нефти хватит на два года. Поэтому спрос на нефть не будет расти. Никто высокую цену, имея полные хранилища, платить не будет. Поэтому цена на нефть Brent сейчас 26 долларов. В лучшем случае к концу года цена повысится до 35-40 долларов, а это значит, нефть Urals повысится до 30 долларов, а в следующих годах, в 2021-2022, может дойти и до 40 долларов. Нужно забыть, что в 2019 году была цена нефти 63,5 доллара, 9 трлн нефть и газ вкладывали в федеральный бюджет. Они будут вкладывать 4,5 трлн при цене 40 долларов. Будут потери бюджета. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Здесь правильно говорил Руслан Гринберг, что кризис имеет внутри себя механизм выхода из него, особенно такой кризис, как коронапандемия. Из-за пандемии люди не работают. Имеется низкий спрос. Но как только мы начнем выходить из пандемии, эти же люди выйдут на работу. И они дадут огромный подъем. Поэтому у нас появится источник подъема.

Хотя надо сказать, что негативные тренды, которые свойственны нашей стагнации, продолжают действовать. Продолжает сокращаться численность трудоспособных в России.

Продолжается депопуляция. Продолжается и усиливается прогрессирующее старение основных фондов. 23% машинооборудования работает свыше срока амортизации. Сейчас эта цифра дойдет до 30 и больше. Пока не меняются условия для честного бизнеса по благоприятствованию инвестиций. Известно, что частный бизнес в последние два года получил баснословные доходы. На 46,6% вырос его финансовый результат, то есть прибыль минус убыток, в 2018 году. Это статистические данные. В 2019 году показатель увеличился еще на 17%. Поэтому, в целом, он возрос на 72%, а зарплаты увеличились в номинале меньше чем на 20, инвестиций и того меньше. Куда пошли доходы? Эти деньги пошли на счета. Или были изъяты в виде предпринимательского дохода и акционерных сумм. Сейчас на счетах у крупного бизнеса 40 трлн рублей. На счетах наших банков. Кроме того, 700 млрд, по оценкам, находятся в оффшорах и на зарубежных счетах.

Поэтому многое можно сделать сейчас, если создать условия для того, чтобы бизнес хоть часть денег вложил в подъем нашей экономики. И у нас сейчас благоприятнейший случай перейти от кризиса к подъему.

Вспомните кризис 2008-2009 годов. Мы за полтора года восстановились. Национальный валовой продукт тогда на 8% снизился, промышленность - на 11%. Даже внешняя торговля, которая на 40% снизилась, за полтора года восстановилась. Правда, тогда цена на нефть двинулась вверх до 110-115. Сейчас этого не будет.

Причем, в кризис 2008-2009 годов была очень энергичная правительственная кампания. Правительством во главе с Владимиром Владимировичем Путиным была принята, если помните, антикризисная программа, которую Государственная Дума утвердила. В целом, на преодоление этого кризиса было потрачено 10,9% ВВП. Применительно к сегодняшним дням это 12 трлн. Было потрачено 211 млрд долларов золотовалютных резервов. Они составляли, если помните, 597 млрд в августе 2008 года, а после кризиса снизились до 386 млрд.

Сейчас ничего близкого нет. Правительство очень активно, но оно активно в административных мерах. Оно предлагает разные послабления. «Давайте отсрочим платежи такие, давайте долг отдадим позже, давайте немного сократим страховые компании, давайте не будем банкротить, давайте прекратим работу, но не увольняйте, пожалуйста, людей». 30% предприятий ничего не платят простаивающим людям. Их отправили в неоплачиваемый отпуск. Необходимо иметь в виду, что в России 53% населения не имеет никаких сбережений и счетов. У них нет денег, если вы им два-три месяца не платите. Второе, у нас 35% всех предприятий и организаций убыточны. У них нет никаких больших запасов.

Мы не являемся богатой страной. Поэтому нам нужны очень серьезные меры, а правительство выделило первые два пакета - 2,1 трлн. Из них пока использовано, как пишут, 0,8 трлн. Эти 2,1 трлн – меньше 2% ВВП. Но будет еще триллион - будет 3%. Еще триллион - 4%.

Моя точка зрения: надо изыскать на 2020 год десять триллионов. И на следующий год десять. Тогда мы сможем перейти к экономическому росту. При нескольких триллионах рост невозможен. Мы выйдем со сниженными доходами на 5-10%. Мы выйдем из кризиса с удвоенной безработицей. Мы выйдем из кризиса с 30-35 миллионами бедных. Сейчас их 18-19. Поэтому нужны кардинальные меры. Я их перечислю и на этом закончу.

В первую очередь, нам нужно компенсировать и поднять доходы населения, зарплату и доходы. Без этого нельзя увеличить платежеспособный спрос. Без этого никакого экономического роста при падении доходов не может быть в принципе. Что это за рост? Чего рост, если доходы уже снизились на 8%, включая 19-й год, и еще снизятся на

5-10%? Я предлагаю первое: поднять минимальную зарплату с 12,1 до 20 тысяч. Причем, по крупным предприятиям, имеющим 40 трлн на счетах, это обойдется в 5 трлн, и они могут оплатить сами. Для этого не нужна государственная помощь. Государственная помощь потребуется убыточным предприятиям, мелкому и среднему бизнесу, которому тоже можно дать на это. Ряду предприятий дать беспроцентный или 3%-ный кредит на несколько лет. Через несколько лет они смогут это вернуть. Бюджетникам, конечно, придется платить, но это 3 трлн.

Второе. Пособие по безработице необходимо установить в 60% от зарплаты, но не выше 30 тысяч. Не прожиточный минимум, а 30 тысяч, потому что безработные сегодня – это кормильцы семей. Это не одиночный человек. Таковы многие из них. Кто такие бедные в России? 65% бедных – работающие люди. Еще семь процентов – это пенсионеры. Если вы им не повысите пенсии, понятно, что будет. Значит, у нас минимальные зарплаты совершенно не соответствуют нашему экономическому уровню. Ниже всех стран, у которых такой же экономический уровень. Такие же низкие пенсии. Пенсионеры находятся в ужасном положении. Их же 46 миллионов, а у них каждый год отсрочки. У нас средняя продолжительность здоровой жизни мужчин – 61 год, а выход на пенсию в 65. 60% будут больными, когда выйдут на пенсию. Не может больной человек работать. Не всем дадут работать и сейчас, потому что спрос не восстановится за год и т.д. Нужно увеличить пенсии и предоставить людям возможность на существующую пенсию (средняя – 14,1 тысячи рублей в месяц) выходить женщинам в 55, мужчинам – в 60. На это требуется грубо 4 трлн рублей.

Я считаю, что необходимо провести налоговую реформу, и с зарплаты до 30 тысяч не брать налог, а брать налог с 30 и выше. Причем, если вы имеете на иждивении неработающих, не имеющих дохода людей, то еще на прожиточный минимум снижать, так сказать, уровень, с которого платите налоги. И перейти к прогрессивной шкале налогов за дополнительное увеличение денежного дохода или зарплаты. К примеру, до 80 тысяч платить 13%, а от 80 до 130 тысяч платить 20%. Только на эту сумму от 80 до 120, а не с 0 до 120. 120-170 – платить 25%. Можно и другие условные цифры иметь при расчетах, как вы понимаете.

Если мы хотим возродить экономический рост, то путь один. Нам нужно привести в действие главные драйверы социально-экономического роста. Это, прежде всего, инвестиции в основной капитал. Две трети экономического роста зависит именно от инвестиций в основной капитал. Далеевложение в человеческий капитал, в экономику знания, о чем здесь говорили. Это еще треть. Нам нужно эти показатели, инвестиции, вложения увеличивать по 10-15%. Ведь доля инвестиций в ВВП сейчас 17%, а доля вложения в экономику знаний 14%. При таких процентах, в принципе, не может быть экономического роста. Если будет у нас рост 22, то при условии, что 23 - доля инвестиций в ВВП или столько же или 20 хотя бы – доля экономики знаний. К примеру, в Италии 22% доля экономики знаний. В Европе 30, в Америке 40, а у нас 14. Какой экономический рост? Нам нужно на 10-15% увеличить.

В связи с этим возникает вопрос, где взять деньги. Я много раз выступал, где взять. Главное – это банковские активы, прежде всего, для инвестирования на окупаемые проекты по низким ставкам. По 5% - на технологическое перевоплощение, при окупаемости 5-7 лет. По 4% - на новые мощности высокотехнологических отраслей. По 3% - на новую транспортную инфраструктуру, где окупаемость 20-25 лет. Нужно это доплачивать из бюджета. Это 20-30-я часть этой суммы инвестирования.

Это можно сделать, потому что в бюджете 5 трлн на окупаемые проекты, которым мы зачем-то даем безвозвратные деньги, которые крайне неэффективно используются. Давайте им дадим заем под самый низкий процент. Сразу правительство не даст 4,5 трлн. Нужно перейти к умеренно профицитному бюджету. Понятно, что в 2020 году 6% будет дефицит. В 2021-м, наверное, 5, но и надо 2022-й, 23-й, 24-й и 25-й хотя бы по 3% сделать дефицит. Это 4-5 трлн дополнительно. Необходимо освободить предприятия от налога на прибыль с той части прибыли, из которой черпаются инвестиции. Надо в полтора-два раза, как Рейган в период реэкономии, чтобы выйти из стагнации, сократить срок инвестиций, перейти на ускоренную инвестицию. Это еще триллион даст за счет расширения фонда амортизации. Можно придумать взаимовыгодный облигационный заем под жилье и покупку автомобилей, давая по льготным ценам это жилье, эти машины, если люди заранее в них вложат деньги, которые пойдут им на инвестиции. Для этого нужно с ними заключить соглашение и так далее. У нас государство, как правильно здесь говорили, должно не меньше 15% по внешним и внутренним долгам. Оно вполне может взять в долг до 30, до 40% нарастить.

Я согласен, что можно золотовалютные резервы использовать. Но у меня так далеко не идут мысли, как здесь предлагалось, оставить 150-200 млрд долларов. Этого, конечно, достаточно. Но я предлагаю оставить даже 300. Сейчас 565. У нас, таким образом, будет в распоряжении 265 миллиардов. Это не 5 триллионов, как кто-то сказал, это 40 триллионов рублей. 40 триллионов! То есть у нас огромные возможности сейчас сделать рывок.

И самое плохое: правительство не имеет плана. Как без плана бороться с коронавирусом? Возьмите Тайвань. У него изумительный план, 125 мероприятий. Они стали его осуществлять и на корню подавили эту пандемию. Посмотрите, сколько тратят другие страны. Франция и Великобритания тратят 12% ВВП, Германия тратит 14-16. Италия и Испания – 20% ВВП. А мы тратим 2, хотим 3. С такими деньгами мы экономику не восстановим. Спасибо.

Петриков Александр Васильевич,
член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова, академик РАН

Добрый день, уважаемый Сергей Дмитриевич. Добрый день, уважаемые коллеги.

Тема моего выступления – это влияние пандемии на продовольственный сектор (о чем мало говорили, к сожалению) и меры по адаптации нашего сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности к этим непростым условиям.

Конечно, из теории и исторического опыта известно, что сельское хозяйство в силу своей инерционности более медленно, чем другие отрасли, уходит в кризис, но и выходит оно из этого кризиса тоже более продолжительное время. Влияние кризиса на сельское хозяйство, я посмотрел материалы ООН и нескольких международных организаций, довольно многообразно. От краткосрочного влияния, связанного с паническими покупками в начале коронавирусного кризиса, до снижения спроса инвестиционных возможностей и поддержки отрасли.

ФАО недавно, 21 апреля текущего года, совместно с другими авторитетными международными организациями опубликовала документ по рискам для продовольственной безопасности в связи с пандемией. И согласно расчетам ФАО, если оправдается сейчас высказываемый большинством экспертов прогноз о падении мирового ВВП на 3%, то в мире появится еще 38 миллионов человек голодающих. Но если самый

пессимистичный вариант рассматривать, который тоже в международных документах дискутируется, о 10%-ном падении ВВП, то эта цифра может возрасти до 80 миллионов человек. Это примерно 10% от тех 800 миллионов человек недоедающих и голодающих в мире, которые имелись на момент до начала кризиса.

В то же время в этом документе ФАО сформулированы несколько направлений противодействия этому кризису. Это пять, в основном, направлений усилий. Удовлетворение неотложных потребностей в продовольствии уязвимых групп населения, усиление программ социальной защиты, продолжение мировой торговли продовольствием. Ни в коем случае нельзя ограничивать экспорт. Кстати, к этим рекомендациям ФАО большинство стран прислушались. Ведется специальный сайт по тем ограничениям в экспорте, которые принимаются сейчас во всех странах. Всего 18 стран ввело те или другие ограничения. Это сохранение внутренних систем продовольственного снабжения и поддержка сельхозпроизводителей для того, чтобы они не потеряли возможности наращивать производство, и прежде всего, малых фермерских хозяйств и предприятий.

Готовясь к этой экспертной сессии, я проанализировал опыт ряда стран и экономических союзов по антипандемической аграрной политике, и во всех странах такие меры принимаются. Кратко скажу, что в США это специальная программа стоимостью 19 миллиардов долларов, предусматривающая как прямые выплаты фермерам, а также помощь региональным и местным дистрибьюторам, оперирующим на продовольственном рынке для формирования продуктовых наборов для нуждающихся. Из бюджета Европейского Союза дополнительных средств не предусматривается, но вводятся различного рода административные послабления. В Германии сельское хозяйство, в отличие от России, отнесено к системообразующей инфраструктуре, и фермеры могут получить дополнительную поддержку в рамках общих программ помощи малому бизнесу, от 8 до 19 тысяч евро на хозяйство, в зависимости от его размера.

В странах Евразийского союза, наших ближайших соседях, тоже принимаются меры, но они касаются в основном регулирования агропродовольственных рынков. Евразийский экономический союз обнулil ввозные пошлины на ряд товаров. В Белоруссии запрещен вывоз из страны некоторых важных видов продовольствия, введено государственное регулирование цен на социально значимые продукты. Сначала это был довольно широкий список, потом они его сократили. В Армении оказывается помощь компаниям-импортерам и расширена программа микрокредитования фермерских хозяйств.

Довольно широкий перечень мер принят в Казахстане. Как и в Белоруссии, на ряд продуктов регулируются розничные цены, не запрещен, но котируется экспорт некоторых видов продовольствия, выдаются продуктовые наборы нуждающимся. План правительства - выдать 2 миллиона наборов. Это примерно будет касаться 11% населения Казахстана. Прямая поддержка сельхозпроизводителям тоже осуществляется. В частности, отменен налог на сельскохозяйственные земли, и для нужд весеннего сева выделяется дизтопливо по льготным ценам.

Но вернемся к России. У нас список мер очень небольшой для сельского хозяйства. Сельское хозяйство не отнесено к отраслям экономики, наиболее пострадавшим от инфекции, и на него не распространяются выделенные правительством меры по поддержке малого и среднего предпринимательства. Введены временные квоты на экспорт зерна – 7 миллионов тонн до июля текущего года, но эта квота уже ко 2 мая была выбрана.

В перечень системообразующих организаций, которые могут претендовать на дополнительную поддержку, включено 77 компаний агропромышленного комплекса. Но, в

основном, эти компании, агрофирмы и агрохолдинги – крупнейшие наши операторы агропродовольственного рынка.

Отчасти я понимаю правительство, которое приняло решение о таком кратком списке. Обусловлено это тем, что в целом положение в отрасли сейчас стабильно. Индексы производства как в сельском хозяйстве, так и в пищевой индустрии и в прошлом году, и, что важно, в первом квартале нынешнего года выше, чем в промышленности. По первому кварталу в сельском хозяйстве это 103%, а по пищевой индустрии – 109,9. Более быстрыми темпами, чем в 2019 году, растет производство мяса и молока. И по оперативным данным Минсельхоза, в штатном режиме проводится весенний сев. Но стал расти и в первом квартале экспорт нашей сельскохозяйственной продукции.

Но я бы не сказал, что нам надо рисовать все радужными красками, потому что сохраняется ряд системных рисков для сельского хозяйства. Среди них выделил бы, прежде всего, два таких риска. Это угроза роста производственных издержек предприятий, особенно малых и средних, от покупных средств производства и материалов для сельскохозяйственных предприятий. А также большая зависимость нашего сектора от зарубежных поставок, скажем, сельхозмашин, оборудования, ветеринарных препаратов, средств защиты растений, племенной продукции, а также семян высококачественных, особенно в овощеводстве и других отраслях. И правительству, безусловно, надо будет принимать меры в этой области. Но это в основном не краткосрочные меры, а меры среднесрочного и долгосрочного порядка. Речь идет прежде всего, о начале работы по формированию в нашей стране высокоразвитой первой сферы агропромышленного комплекса, сельскохозяйственного машиностроения, микробиологической промышленности, производства средств защиты, ветеринарных препаратов и так далее. По существу мы здесь очень критически зависим от внешних поставок.

Еще риск один связан с тем, что у нас расходы на питание в доходах семей составляют более 30%. В развитых странах – 10-15%. Нам необходимо ни в коем случае не допустить роста продовольственной инфляции, что связано с поддержкой предложения в нашем секторе.

И заключение я хотел поддержать Бориса Титова в части мер, касающихся развития малых городов. Но я добавил бы сюда еще и сельскую местность. Пандемия нас убедила всех, насколько велики риски, когда такое огромное количество людей живет в крупных городских агломерациях. А у нас еще были планы о переселении, например, в Московский регион 30 миллионов человек. Сейчас складывается такая ситуация, и все это понимают, что необходимо ограничить развитие чрезмерно больших городских агломераций и принять дополнительные меры по развитию малых и средних городов, а также сельской местности. Пересмотреть стратегию пространственного развития страны, которая принята недавно совсем. Это важная стратегическая задача. Благодарю вас за внимание.

Бессонов Владимир Аркадьевич,
заведующий лабораторией «Исследование проблем инфляции и экономического
роста» НИУ ВШЭ

Спасибо, уважаемые коллеги, я постараюсь быть кратким. И я остановлюсь лишь на отдельных особенностях начавшегося кризиса, о которых, по-моему, либо не было сказано, либо сказано без акцентирования.

Первое. На мой взгляд, нам следует ожидать опережающего спада потребления по сравнению с производством. Нынешнее обсуждение наше заиклено, как и все известные

мне другие обсуждения, заиклено на показателе индекса объема валового внутреннего продукта. Это в чем-то хороший, а в чем-то плохой показатель. В частности, это показатель – не слишком хороший инструмент для мониторинга кризисных явлений, и вообще, и у нас в частности. Есть основания полагать, что у нас спад по потреблению, как я уже сказал, будет более глубоким, чем спад ВВП. На мой взгляд, именно спад потребления будет главной проблемой кризиса, а отнюдь не спад ВВП, который мы так подробно обсуждаем.

В этом отношении нынешний кризис, на мой взгляд, напоминать будет кризис, начавшийся в 14-м году, а отнюдь не кризис, например, 2008 года. Напомним, что в 14-м году у нас начался спад производства, и по последним данным, это был всего лишь один год по продолжительности, если смотреть по годовым данным, и всего лишь 2% по величине ВВП. Многие склонны говорить, что вообще спада в общем не было, может быть, это была стагнация, маленькая флуктуация и так далее. Если же мы смотрим на данные по динамике, например, реальных располагаемых денежных доходов населения, о которых говорил Абел Гезевич, то спад по времени составлял 4 года и 8,4%, после чего началось совсем не убедительное восстановление. Когда мы заиклены на анализе ВВП, мы не видим чего-то более существенного, более важного. И мне кажется, что нужно такого рода обсуждения концентрировать в большей мере на показателях благосостояния, то есть не ограничиваться, не зашоривать себя показателями ВВП. Это первое.

Второе. Особенность нынешнего кризиса. Уже четвертый кризис: 1998 год, 2008 год, 14-й и нынешний кризис. На какие он похож, на какие не похож. В чем похож, в чем не похож. Вторая особенность, на мой взгляд, это беспрецедентная скорость нарастания кризисных явлений. Мы помним скоротечный кризис 2008 года, когда за считанные месяцы у нас обрушилось производство, хотя некоторые уважаемые коллеги говорили, что Россия – это спокойная гавань и так далее. Потом ухнуло за 3-4 месяца до нижней точки. Вот сейчас – еще быстрее. К чему это ведет? Проблем с идентификацией начала кризиса не будет никаких, здесь не надо ни ума, ни фантазии и ни надежных статистических данных. Все мы знаем, когда началось. А вот когда закончится, когда будет восстановление, вот с этим будут проблемы.

Я в режиме реального времени анализировал все российские кризисы, месяц за месяцем, и во всех без исключения случаях идентификация момента восстановления была сделана с огромным опозданием. То есть экономическая политика длительное время проводилась исходя из устаревшего представления об экономической ситуации. То есть, когда надо переходить от мер антикризисных к мерам поддержки начавшегося восстановления, это переключивание руля, очень возможно, будет произведено с запозданием из-за плохой аналитики и плохой статистики. В частности, здесь будут разные «паразитные» эффекты, которые возникают при анализе краткосрочных тенденций. Уверен, что почти наверняка, вне зависимости от развития ситуации, у нас будут разговоры о второй волне кризиса и так далее.

И наконец последнее. Я не буду говорить о глобальных последствиях пандемии, об этом много сказано. Остановлюсь на одном маленьком частном, но чрезвычайно важном вопросе. А именно, когда начинается кризис, возрастает спрос на статистику оперативную. Кому нужны были данные о грузообороте каком-то оперативном, кому были нужны данные об энергопотреблении ежедневном и так далее?! Да и месячная статистика не очень-то кому бывает нужна. Начался кризис – возник спрос. В этой связи есть очень плохая тенденция: Росстат, увы, отказывается от построения показателей месячной динамики, именно тех, и только тех, которые представляют наибольшую ценность для анализа того, что у нас происходит. В частности, несколько лет назад отказались от построения месячной

динамики инвестиций в основной капитал. А как анализировать ход кризиса, не имея этих данных?! Второе. После этого отказались от помесечной динамики доходов населения. Наконец, как раз к кризису отказались от индексов базовых видов экономической деятельности в помесечном выражении. То есть мы не имеем инструментов. Если у нас не будет статистики, то наши обсуждения такого рода будут, что называется, толочь воду в ступе. Ничего другого мы предложить не сможем. И что делать? Задавать вопросы коллегам-статистикам.

**Пороховский Анатолий Александрович,
заведующий кафедрой политической экономии Экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.э.н.**

Здравствуйтесь, дорогие участники нашего обсуждения. Я хотел бы остановиться на таком важном моменте, что Россия является частью мировой экономики, мирового хозяйства. Этот момент, как мне кажется, требует большего внимания. Почему?

Дело в том, что мировая экономика давно ожидала очередной экономической кризис. О нем говорили уже два и более года. И наконец он наступил. Получается так, что формально кризис наступил благодаря пандемии. На самом деле он созрел внутри мировой экономики. И в этой мировой экономике есть большие игроки. Это США и Китай. Мне интересно, и для всех, наверное, тоже, что буквально на прошлой неделе лондонский журнал Economist опубликовал статью, в которой выражает мнение китайских специалистов. Китай не хочет быть вторым СССР, но не хочет и заменить США как лидера мировой экономики. Спрашивается, какой путь выбрал Китай? Об этом вы знаете, они заявили в своих официальных документах.

Возникает вопрос, а какое место России между Китаем и США? Ведь мы с вами хорошо понимаем, насколько мы зависим от внешней торговли, от мирового рынка. Не буду перечислять все виды зависимостей. Поэтому все наши расчеты, касающиеся внутреннего развития, невозможны без учета внешних факторов, которые, на мой взгляд, в ряде случаев выступают решающими. Это касается и курса рубля, это касается и заимствований внешних. Поэтому я хотел бы попросить при разработке стратегического плана развития России в условиях пандемии хорошо просчитать влияние именно внешнего фактора.

Что касается внутренних событий, то мне представляется, что главное внимание нужно обратить на занятость. Мы понимаем хорошо, что фактор занятости – это еще и психологическая устойчивость личности, а не только доход, что это еще и взаимосвязи. Вы знаете, что сам факт самоизоляции многих привел в транс не только потому, что не хватает денег, а и потому, что не хватает общения и чувства, что ты нужен для кого-то, что ты не просто работаешь, но и ты участвуешь в процессе. Поэтому мне думается, что фактор занятости должен не то что быть на первом месте, но быть стержневым при разработке наших стратегических планов. Спасибо за внимание.

**Ершов Михаил Владимирович,
член Президиума ВЭО России, главный директор «Института энергетики и финансов», д.э.н., профессор**

Чтобы правильно построить и выработать антикризисные меры, нам, конечно, надо понимать, какая будет среда в той ситуации, которая будет после пандемии, что будет за мир. Мы говорим сейчас и про мировую экономику, и про российскую.

Есть несколько соображений. Мир, который придет, на мой взгляд, и мировая экономика, по-видимому, будут становиться все менее и менее рыночными. То есть

алгоритмы взаимодействия компонентов финансовых, процентных, валютного курса, денежной массы будут все менее и менее соответствующими рыночным закономерностям. Это первый момент. И мы, кстати, это уже замечали еще до пандемии, когда масштабные меры поддержки серьезно исказили базовые фундаментальные закономерности между реальной и финансовой экономикой. Например, наблюдали во многих странах минимальный рост валового продукта при максимальном росте фондовых рынков. Искажения начали проявляться уже тогда. Процесс будет, скорее всего, усиливаться.

И второй момент. К сожалению, экономика, наверное, будет выглядеть все более и более «огосударственной», то есть все менее частной, что вполне логично, потому как все меры поддержки, которые оказываются, рано или поздно будут изменять экономику. То есть полученные вами займы и кредиты, как это было не раз в прошлом, будут потом трансформироваться в некую долю государства в вашем капитале. Потом может быть обратный процесс, как это было в США, когда они сначала частично национализировали американские банки, потом, когда все нормализовалось, они стали потихонечку из них выходить, и опять они стали все более частными. Скорее всего, учитывая, что меры поддержки беспрецедентны и высоки, будет картина похожая, то есть экономика будет все менее частной. Это второй момент. Теперь третий момент, касающийся уже нас. Совсем недавно я прочел с большим интересом доклад агентства Fitch Rating, которое сравнивает группы стран по возможности маневров в плане антикризисных мер. Скажем, Россия находится в очень достойном, так сказать, коллективе - Бразилия, Индия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Чили. Рассматривается вопрос с точки зрения двух компонентов внутри этих стран. С точки зрения фискальных бюджетных компонентов. Это первое. И с точки зрения монетарных. Это второе. И там, и там Россия на первом месте по возможности маневра. Fitch Rating считает, что мы опережаем Бразилию, Индию и так далее, и по монетарным подходам, и по денежно-кредитной линии. Почему? Те же самые процентные ставки. Да, снизили. Да, 5,5. Но у большинства стран ноль, минус, 0,5, 1. То есть мы явно в лидерах по уровню наших ставок.

Два главные вывода из этого следующие. Первое, что у нас, несмотря на все трудности, есть немалые возможности, которыми мы располагаем для того, чтобы ситуацию нормализовать.

Второе. С учетом этих возможностей правильные и взвешенные структурные, денежно-кредитные, валютные, бюджетные и все прочие виды экономической политики позволят нам выйти в качественно новые условия, то есть мы окажемся в такой среде, в какой, по крайней мере в новейшей истории, ранее не жили. Чтобы в этих условиях мы себя чувствовали достойно и внутри страны, чтобы наша экономика чувствовала себя комфортно и устойчиво и в мире, чтобы наши конкурентные возможности не снижались.

Пандемия, которая запустила кризисные процессы в мировой экономике в начале 2020 г., обнажила проблемы и слабые места сложившейся ситуации в экономиках многих стран. Из-за быстрого распространения кризисных явлений (что является особенностью текущего кризиса), все страны вынуждены оказывать чрезвычайные меры поддержки своим экономикам и финансовым системам. Важно отметить, что меры поддержки рынков, применяемые в настоящее время ведущими странами, не ограничиваются только рычагами денежно-кредитной политики, но также включают более широкие механизмы – налоговые, регуляторные, прямую поддержку отдельных отраслей, выплату населению и пр. Финансовые регуляторы также все более широко применяют нестандартные рычаги влияния на ситуацию.

Объемы поддержки, заявленные только за три месяца т.г., весьма значительны. Так, в США меры поддержки только фискального характера превышают 10% ВВП, что

составляет около 6 тыс. долл. на душу населения. В России все меры поддержки (анонсированные правительством и Банком России), пока не превышают 3-4% ВВП. Объем поддержки, рассчитанный на душу населения, примерно эквивалентен 400 долл., что почти в 15 раз меньше, чем только фискальные меры поддержки, анонсированные в США (без учета мер поддержки со стороны ФРС).

Очевидно, для недопущения усугубления кризисных процессов в экономике вследствие коронавируса необходимо увеличить меры поддержки экономики, используя при этом все возможные инструменты денежно-кредитной, бюджетной, налоговой политики. По оценкам международного агентства Fitch, у России наибольший запас возможностей для осуществления экономических мер как по фискальным, так и по денежно-кредитным мерам, опережая при этом такие страны как Бразилия, Индия, ЮАР, С. Аравия и др.

Показательно, что, согласно опросу руководителей крупнейших компаний в России, проведенному в 2020 г., больше всего компании (80%) опасаются дальнейшего обесценения рубля, сокращения внутреннего спроса (78%), уменьшения доходов (78%)¹.

1. Важнейшим в данных условиях является расширение предоставляемых ресурсов всем экономическим субъектам (крупному бизнесу, МСП, населению) по доступной цене.

2. Целесообразно продолжить снижение ключевой ставки Банка России. Процентные ставки в России, хотя и снижаются, но они остаются на более высоких уровнях, чем в ведущих странах (0-0,5%, или даже ниже нуля, как в Швейцарии; еврозоне по ряду операции и др.). Это в условиях недостаточно масштабной поддержки еще больше ухудшает положение российского бизнеса.

3. Для стимулирования спроса домашних хозяйств и сохранения социальной стабильности также целесообразно расширить механизмы, предполагающие повышение уровня материального обеспечения домашних хозяйств (посредством налоговых рычагов, компенсационных мер, прямых выплат и др.). Указанные меры непосредственной поддержки населения окажут социально-стабилизирующий эффект и в относительно короткий период будут способствовать повышению совокупного спроса и оживлению экономики.

4. Увеличение расходов федерального бюджета вследствие дополнительных затрат на антикризисные меры, а также одновременное сокращение его доходов из-за уменьшения нефтяных цен еще больше повышают актуальность поддержания необходимого уровня финансирования. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность умеренного наращивания дефицита госбюджета (по примеру большинства стран в мире). Недостающие средства на расходы бюджета сейчас могут быть профинансированы посредством выпуска государственных долговых обязательств (в первую очередь, долгосрочных) и их продажи напрямую Банку России, который затем будет держать эти бумаги на своем балансе до срока их истечения.

(Справочно: в ведущих странах доля национальных госбумаг (в первую очередь, длинных до 30-40 лет) в балансах их центральных банков составляет 85-95%, тогда как в России 1%. Это показывает большой неиспользованный потенциал, которым располагают российские регуляторы.)

5. Выходу из рецессии способствуют государственные инвестиции. Сложившаяся ситуация, которая требует масштабных вливаний средств в экономику, ограничивает будущие инвестиционные возможности государства. В этой связи целесообразно начать

---

¹ Опрос финансовых директоров ведущих компаний России. Апрель 2020 г. Deloitte.

стимулирование перетока длинных денег в реальный сектор для поощрения инвестиций реального сектора. В частности, выдачи длинных кредитов под отрицательный процент для системно значимых отраслей могло бы способствовать выходу из сложившейся рецессии. Ставки для банков могут субсидироваться государственными расходами. (Отрицательные ставки применяет ЕЦБ для стимулирования кредитования со стороны банков определенных отраслей.)

6. Очевидно, новые меры будут сопряжены с притоком новой ликвидности на рынок, создавая при этом угрозу для стабильности курса рубля.

7. Для недопущения этого:

- Необходим широкий комплекс мер (информационно-разъяснительных, регулятивных и др.), направленных на повышение доверия к рублю.

- Для стабилизации рубля и недопущения его обесценения важно более четко обозначить предпочтения регулятора и экономики относительно уровня курса, а также те возможности по установлению курса, которыми регуляторы располагают. В частности, уровень международных резервов РФ в 580 млрд долл. превышает денежную базу рубля в 4 раза, что технически позволяет установить такой уровень валютного курса рубля, какой целесообразен регуляторам для решения задач, стоящих перед экономикой. Это также необходимо довести до понимания рынка.

- Следует внести изменения в нормативы, регулирующие деятельность кредитных организаций, которые делали бы операции в рублях гораздо более привлекательными, чем в валюте (при создании банками резервов, оценке рисков, достаточности капитала и др.).

- В случае сокращения объемов ЗВР до пределов, создающих угрозу финансовой устойчивости экономики страны, а также при сохранении спекулятивного давления на рубль можно на необходимое время вернуться к практике обязательной продажи части валютной выручки, и использовать нормативы валютной позиции (по успешному опыту 1998 г.), лимиты и иные меры, уменьшающие спекулятивный спрос на валютном рынке.

- До стабилизации ситуации возможно также на необходимое время уменьшить для банков валютную позицию по т.н. конверсионным операциям, которая регулирует для конкретных участников их общее сальдо притока и оттока средств с валютного рынка. Это снижает возможности по дестабилизации курса. (Напомним успешные примеры аналогичных мер применяемых в РФ после дефолта 1998 г.)

- Для уменьшения спекуляций возможно также введение налога Тобина, а в случае чрезмерного расшатывания рынка выше допустимых параметров – временное приостановление торгов.

- После стабилизации ситуации на рынке многие из введенных ограничений могут быть ослаблены или отменены (как это обычно бывало в международной практике).

Как представляется, указанные меры будут способствовать нормализации экономического положения в условиях пандемии, способствуя экономическому росту и устойчивости экономики.

Спасибо за ваше внимание.

**Модератор: Бодрунов Сергей Дмитриевич,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор**

Спасибо большое, Михаил Владимирович. Уважаемые коллеги, у нас все выступили, свои предложения высказали. Я думаю, что несмотря на то, что мы немного перебрали время, тем не менее это был очень полезный важный разговор не просто людей, которые озабочены судьбами страны. Я сказал бы, что это разговор экономической элиты страны, не побоюсь этого слова. И как сказал Абел Гезевич, разговор весьма содержательный. Так что, полагаю, многие из наших идей, которые высказаны сегодня, будут приняты во внимание, возможно, войдут в государственные решения, в план государственного развития экономики, о котором говорил Президент России.

Материалы сегодняшнего мероприятия мы будем также публиковать в Научных трудах Вольного экономического общества России. Мы соберем все, что сегодня вы сказали, и обработаем. Просим вас, уважаемые коллеги, эти материалы оперативно доработать. Что называется, «дорога ложка к обеду». Чтобы мы могли эти материалы не просто как исторические хроники сохранить, но и запустить в работу, в дело, уже сейчас.

И наконец, в завершение мероприятия, я хочу сказать, что у меня лично сложилось такое настроение, которое я назвал бы осторожным оптимизмом. Очень хочется, чтобы наша страна быстро, интенсивно, эффективно развивалась. Очень хочется, чтобы мы не делали ошибок на этом пути, пути развития, а делали только правильные шаги. Конечно, будут какие-то проблемы по пути. Но, если мы будем не замалчивать эти проблемы, если мы будем их видеть и решать, если мы будем ко всему относиться с оптимизмом - а те цифры, которые приводили многие эксперты, настраивают на такой более-менее оптимистический лад - то, надеюсь, мы найдем пути выхода из рецессии и поднимем нашу экономику на соответствующий уровень. И не потому, что экономика Германии упадет против нашей, а потому что мы поднимемся против экономики хотя бы Германии.

Я благодарю вас еще раз за ваше внимание. Всего доброго. И надеюсь, что мы с вами в ближайшее время уже встретимся, так сказать, в живом формате. Спасибо.

Председатель заседания,
президент ВЭО России

С.Д. Бодрунов

Секретарь заседания,
вице-президент ВЭО России

М.А. Ратникова

К протоколу прилагаются материалы участников экспертной сессии в авторской редакции (приложение 1 к протоколу экспертной сессии от 4 мая 2020г. на 90 листах):

- «Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов», автор – академик РАН, вице-президент ВЭО России С.Ю. Глазьев.

- «Пандемия. Мировой кризис. Экономическое состояние России», авторы – академик РАН, профессор Р.И. Нигматулин и д.т.н., профессор Б.И. Нигматулин.
- «Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке», автор – академик РАН А.Г. Аганбегян.
- «Предприятия в посткризисной экономике», автор – член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Г.Б. Клейнер.
- Презентация к выступлению «Постпандемическая экономика: адаптация агропродовольственного сектора», автор - академик РАН, член Президиума ВЭО России А.В.Петриков.